

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай Чуковский

БЕРИНГ

SHOUT

SHARE

IT

Annotation

Рождённый в Дании и приглашённый Петром Первым на службу в русский флот, этот замечательный моряк и смелый, упорный в достижении поставленной цели человек вошёл в историю как великий русский путешественник.

Замечательные плаванья знаменитого моряка на кораблях русского флота решили вопрос о существовании пролива, отделяющего Евразийский континент от Америки, и явились крупным вкладом в дело исследования Севера.

Автор книги — известный советский писатель Николай Чуковский (род. в 1904 г.). Вначале выступал как переводчик. Им, в частности, переведены «Остров сокровищ» Стивенсона, «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, основные произведения Сетона-Томпсона.

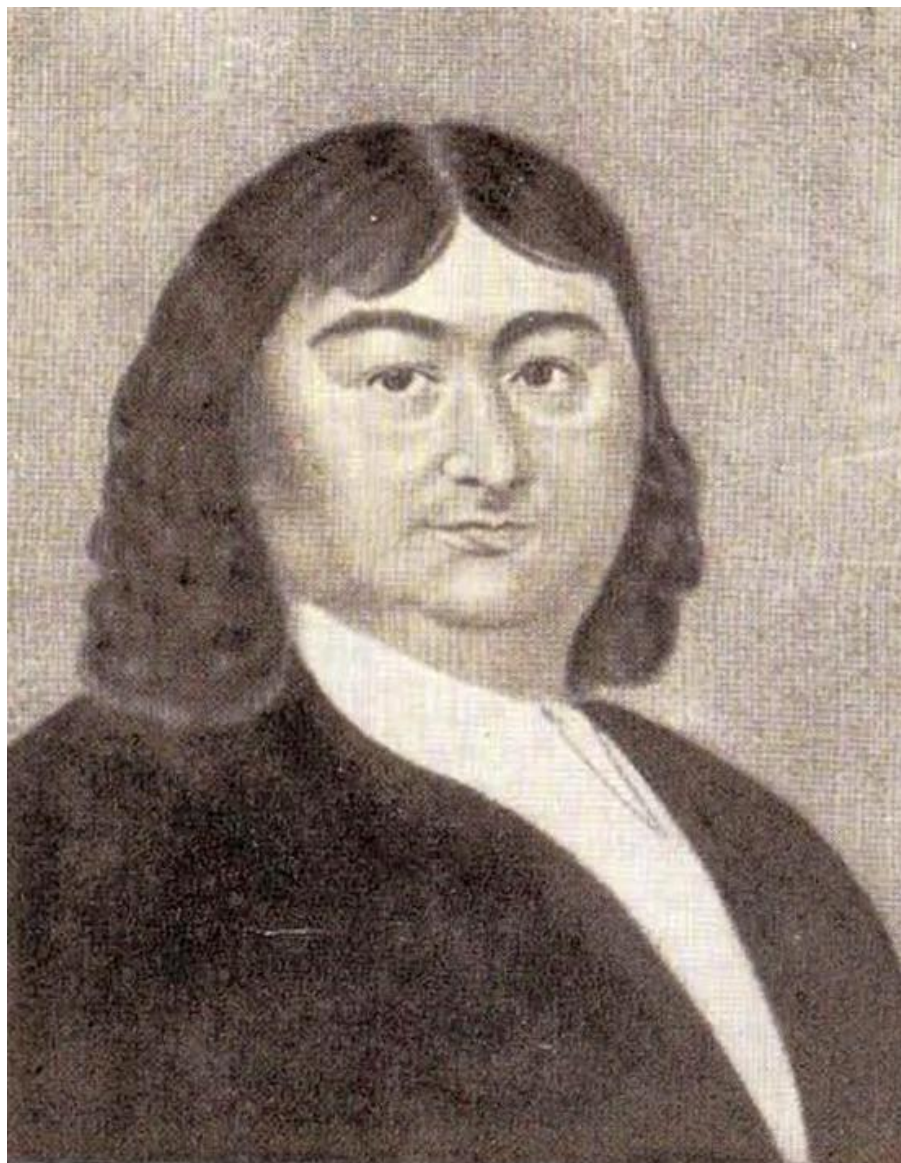
Из собственных произведений Николая Чуковского особенной популярностью среди читателей пользуются книги «Ярославль», «Княжий угол», «Балтийское небо».

- **Николай Чуковский**

-
- 1. КАК РОДИЛАСЬ ИДЕЯ
- 2. ГЛАВА ЭКСПЕДИЦИИ
- 3. САМАЯ ДЛИННАЯ ДОРОГА В МИРЕ
- 4. ПЕРВОЕ ПЛАВАНЬЕ БЕРИНГА
- 5. ПЯТЬ ЛЕТ
- 6. ОПЯТЬ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ
- 7. В ЯКУТСКЕ
- 8. РУССКИЕ В ЯПОНИИ
- 9. ЧЕЛОВЕК С ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ
- 10. ШТЕЛЛЕР ЕДЕТ К БЕРИНГУ
- 11. ШТЕЛЛЕР НА КАМЧАТКЕ
- 12. АМЕРИКА
- 13. ДВОЕ В НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ
- 14. ВНЕЗАПНОЕ ОТПЛЫТИЕ
- 15. ШУМАГИНСКИЕ ОСТРОВА
- 16. ОБРАТНОЕ ПЛАВАНЬЕ
- 17. ТАИНСТВЕННЫЙ БЕРЕГ
- 18. ОТОРВАННЫЕ ОТ ВСЕГО МИРА
- 19. ЗВЕРЬЁ
- 20. НОВЫЙ «ПЁТР»
- 21. ИЗБАВЛЕНИЕ
- 22. ЧИРИКОВ В АМЕРИКЕ

- 23. КАК ВСЁ ОКОНЧИЛОСЬ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. БЕРИНГА
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Николай Чуковский
БЕРИНГ

1. КАК РОДИЛАСЬ ИДЕЯ

Идеи имеют свою историю, и история эта не менее драматична, чем история людей или народов.

В семнадцатом веке, через полтора столетия после открытия Америки, в учёных кругах Европы родилась идея, что Америку нужно открыть ещё раз.

Открыть не так, как её открыл Колумб — плывя с востока на запад, — а наоборот — плывя с запада на восток.

К семнадцатому веку всё восточное побережье американского материка на громадном протяжении от Лабрадора до мыса Горн было уже хорошо известно европейцам. Но западное побережье Америки, примыкавшее к Тихому океану, оставалось почти неизвестным.

И Америка представлялась европейцам длинным барьером, отделяющим Атлантический океан от Тихого. И очень узким барьером, потому что в тех местах, где европейцам удавалось пересечь американский материк, он действительно был очень узок.

Первым пересёк Америку испанец Бальбоа. В 1513 году Бальбоа прошёл с атлантического побережья до тихоокеанского. Но переход свой он совершил в Центральной Америке, на Панамском перешейке, в самом узком месте материка, где между двумя побережьями нет и ста километров. В 1520 году Америку пересёк испанский мореплаватель Магеллан, пройдя из Атлантического океана в Тихий проливом, который с тех пор называется Магеллановым. Но там, на крайнем юге, Америка тоже очень узка: длина извилистого Магелланова пролива со всеми его изгибами — несколько сот километров.

В первой половине шестнадцатого века испанцы завоевали Мексику и хорошо познакомились с ней. В районе Мексики американский материк шире, чем в Панаме, и всё же расстояние по прямой между портом Веракрус на атлантическом берегу и портом Акапулько на тихоокеанском — всего 460 километров. Когда, плывя по Тихому океану из Мексики на север, испанские мореплаватели достигли Калифорнии, они приняли её за остров — настолько сильно было их убеждение, что американский материк узок и не может так далеко простираться на запад. Это же упорное убеждение заставило английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1611 году обогнул с севера полуостров Лабрадор и открыл Гудзонов залив, принять этот залив Атлантического океана за Тихий океан. Он не мог себе представить, что между Гудзоновым заливом и Тихим океаном по

самому короткому пути лежит ещё две с половиной тысячи километров суши.

Американский материк представлялся узкой полоской земли, от которой до Европы гораздо ближе, чем до Азии. В том, что от Америки до Азии чрезвычайно далеко, европейцы убеждались на опыте всякий раз, когда испанские, голландские, английские корабли, обогнув Америку с юга, пересекали Тихий океан, стремясь достигнуть берегов Китая, Индии, Индонезии. Чтобы от мыса Горн на юге Америки добраться до азиатского острова Ява, кораблю приходилось пройти почти половину земного круга. Между Америкой и Азией лежит вся ширь Тихого океана, самого большого из земных океанов, и, следовательно, о близости Америки и Азии не может быть и речи.

Однако во второй половине семнадцатого века все эти представления мало-помалу заколебались. В Северной Америке английские и французские колонисты, поселившиеся вначале на атлантическом побережье, проникали всё дальше на запад, в глубь материка, но сколько они ни шли, они видели перед собой только прерии, леса, горы — и ни малейшего признака моря. Да и испанцы, двигаясь вдоль тихоокеанского побережья с юга на север, давно уже выяснили, что Калифорния не остров, а часть того же американского материка. Получалось, что американский материк вовсе не так узок, как думали раньше. И главное, чем дальше к северу, тем оказывался он шире.

В это же примерно время учёные люди Западной Европы начали понимать, что и Азия, по-видимому, не такова, какой она представлялась раньше. До тех пор считалось, что Китай является самой восточной частью азиатского материка. Но во второй половине семнадцатого века в Европу стали проникать смутные сведения, что азиатский материк в северных областях простирается к востоку гораздо дальше Китая.

Сведения эти проникали из России.

Русские прошли всю Сибирь за одно столетие — между царствованием Ивана Грозного и царствованием Алексея Михайловича. Продвижение русских на восток в основном не было военным по своему характеру. В Сибири, в сущности, не с кем было воевать — она была пустынна. Те немногие люди, которые кое-где обитали на её безграничных просторах, жили ещё родовым строем, в условиях каменного века, и в большинстве случаев не оказывали пришельцам никакого сопротивления. Впереди русского наступления шли не солдаты, а так называемые «промышленники». В те времена это слово имело совсем не то значение, что теперь. Промышленниками называли людей, которые «промышляли пушного зверя», то есть охотников. Вывоз

пушнины составлял одну из самых важных и доходных статей русского экспорта, и промышленники в погоне за соболем, беличьим, лисьим, песцовым, котиковым мехом шли сквозь тайгу всё дальше и дальше на восток. Они пересекли Обь с Иртышом, Енисей и дошли до Байкала и Лены. Уже земли за Леной находились восточнее восточных областей Китая, а между тем материк всё не кончался. Двигаясь на восток, промышленники пересекли Индигирку, Колыму и вышли, наконец, на берег Охотского моря. Но и за Охотским морем, дальше к востоку, оказалась ещё Камчатка, которая тоже, безусловно, была частью азиатского материка. А от промышленников, двигавшихся по побережью Ледовитого океана, стало известно, что на севере Азия простирается к востоку даже дальше Камчатки.

Сведения об этих открытиях, не вполне ясные, просочились в Западную Европу, и европейским учёным конца семнадцатого века Тихий океан стал представляться иначе, чем раньше. Они начинали понимать, что он имеет форму грандиозной арки, свод которой состоит из двух материков, постепенно сближающихся на севере, — Азии и Америки. Существует ли между ними пролив? И если существует, широк ли он? Теперь уже некоторым казалось, что там, на севере, Азия и Америка не только сближаются, но даже сливаются воедино.

Вопрос этот вовсе не был только научным вопросом, напротив — сугубо практическим и волновал европейцев прежде всего своей практической, деловой стороной. Это был вопрос о кратчайшем пути в страны Тихого и Индийского океанов. В те времена, чтобы попасть в Тихий или в Индийский океан, европейским купцам и мореплавателям приходилось огибать либо южную оконечность Африки, либо южную оконечность Америки. Оба эти пути были очень длинные, так длинные, что съедали почти весь доход от торговли. Путь до Китая, до Индии укоротился бы втрое, вчетверо, если бы европейские корабли могли огибать Азию или Америку не с юга, а с севера. Но это возможно только в том случае, если между Азией и Америкой где-то на севере существует пролив. Если такого пролива нет, нет и надежды на короткий морской путь в Тихий океан.

Из европейских учёных этой проблемой больше всего интересовался Готфрид Вильгельм Лейбниц. То был самый великий учёный конца семнадцатого века, если не считать Ньютона. Занимался он математикой, правом, философией, физикой, астрономией, географией. У него была мировая слава, но не было средств к жизни, и, чтобы существовать, он служил библиотекарем при дворе ганноверского герцога.

В 1697 году русский царь Пётр Первый возвращался из

Голландии в Москву, и путь его проходил через Ганновер. В Ганновере состоялась встреча царя с прославленным учёным. По-видимому, встреча эта была одинаково интересна и для того и для другого. Из бумаг, сохранившихся у Лейбница, видно, что Лейбниц убеждал царя составлять карты, производить астрономические наблюдения, изучать склонения магнитной стрелки и, наконец, главное — исследовать берега Северо-Восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой, или же они разделены проливом.

И Пётр дал Лейбницу твёрдое обещание выполнить всё, что он советует. Но выполнил не скоро.

Перед Петром стояло множество других неотложных задач. Вернувшись в Москву, он подавил стрелецкий мятеж. Потом началась так называемая Северная война — война со Швецией, занимавшая все помыслы Петра. У Петра не было ни времени, ни возможности заниматься исследованием Северо-Восточной Азии. Но об обещании, данном Лейбницу, он не забыл.

Не забыл и Лейбниц. В 1711 году, через два года после разгрома шведов под Полтавой, Лейбниц написал письмо в Петербург к Брюсу, приближённому сановнику Петра, в котором спрашивал, нет ли новых данных для разрешения спора о существовании пролива между Азией и Америкой. «Никто, — писал Лейбниц, — не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее, чем всё, сделанное в своё время египетскими царями для исследования истоков Нила».

Два года спустя, в 1713-м, Лейбниц написал письмо самому Петру — всё о том же. А в июле 1716 года, через девятнадцать лет после первого свидания, состоялась новая встреча Лейбница с Петром.

Они встретились в Брауншвейге на «лечебных водах» и беседовали, причём всё о том же. О разговорах во время этой встречи Лейбниц написал в письме к одному своему приятелю так: «Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всём, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой».

Но Лейбницу не удалось дожить до решения так волновавшего его вопроса. В конце 1716 года он умер.

А Пётр не торопился с выполнением его плана. По-видимому, у него просто не было времени этим заняться. Война со Швецией всё ещё продолжалась и окончилась только в 1721 году победоносным Ништадтским миром. Россия твёрдо встала на

берегах Балтийского моря. После заключения мира у Петра оказалось достаточно дел. Ему уже мало было называться царём, он провозгласил себя императором и весь ушёл в преобразование своей империи. Осенью 1724 года он принял участие в спасении матросов тонущего в Финском заливе судна. Выкупавшись в холодной воде, пятидесятидвухлетний император простудился и тяжело заболел.

Вот тогда, во время смертельной своей болезни, перебирая в уме огромное скопище дел, которых он, совершивший так много, хотел, но не успел совершить, он вспомнил всё, что обещал Лейбницу. В январе 1725 года, тяжело больной, собственной рукой написал он наказ для экспедиций, которая должна отправиться на Камчатку, а оттуда плыть на север и выяснить, существует ли пролив между Азией и Америкой.

Вот этот наказ:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом тамож месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах плыть возле земли, которая идёт на Норд и по чаянью (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой».

Начальником экспедиции Пётр назначил капитана флота Витуса Беринга.

В помощники ему определил Мартына Шпанберга и Алексея Чирикова.

Через несколько недель Пётр умер.

2. ГЛАВА ЭКСПЕДИЦИИ

Почему выбор Петра пал на Витуса Беринга — загадка, которую нелегко отгадать.

Замечательные, выдающиеся люди, совершающие великие дела, люди, о которых человечество сохранит память навсегда, чрезвычайно различны. Но у них обычно есть одна общая черта — они одержимы тем делом, которому служат. Они влюблены в своё дело, будь это наука, искусство, революция, они отдают ему все силы своей души, и потому им удаётся совершить великое. Этой черты замечательного человека у Беринга не было. Дело, которому он отдал свои силы, было действительно замечательным. Но он не любил его, не интересовался им и делал его поневоле.

Он заново — после Колумба — открыл Америку, плывя к ней не с востока на запад, как Колумб, а с запада на восток. Он открыл пролив, отделяющий Азию от Америки, и этому проливу присвоено его имя. Северная часть Тихого океана называется морем Беринга. Остров, на котором он умер, называется островом Беринга. Командорские острова называются так потому, что Беринг в конце своей жизни носил чин капитан-командора. Витус Беринг, совершив подвиг, который привёл его к гибели, сделал замечательные открытия, расширил познания человечества о земном шаре, обогатил науку и осуществил идею Лейбница, поддержанную Петром. Но к подвигу сам он не имел никакой склонности, науками не интересовался и к идее Лейбница был совершенно равнодушен.

Таков был этот странный замечательный человек. И всё-таки безусловно замечательный. В этом человеке, который всем окружающим казался человеком заурядным, лишённым больших интересов, вялым, таилось какое-то неприметное для других свойство, которое дало ему возможность в труднейших условиях довести до конца великое дело, потребовавшее от него огромной отваги, умения управлять людьми и, главное, терпения и упорства.

Но не будем судить его, не в этом наша задача. Постараемся собрать воедино все те скудные отрывочные сведения о нём, которые сохранились за два с половиной столетия, прошедшие со времён его деятельности, и попытаемся увидеть его таким, каким он был, не скрывая его недостатков и не убавляя его достоинств.

О первых сорока четырёх годах его жизни мы знаем очень мало.

Витус Беринг родился в Дании, на Ютландском полуострове,

в городе Хорсенсе в 1681 году. Образование он, по-видимому, получил самое ничтожное и вырос в бедной семье. В 1703 году, двадцати двух лет от роду, он на голландском корабле совершил плавание в Индию. Об этом его плавание ничего не известно. Вероятно, служил он на корабле простым матросом. Но плавание это создало ему репутацию бывалого моряка. Благодаря этой репутации Пётр Первый принял его на службу в русский флот и дал ему чин мичмана.

Этому способствовало и то, что Беринг был датчанином.

Россия воевала со Швецией, и Дания была союзницей России. В 1704 году Беринг поступил на русскую службу, переселился в Россию и больше никогда у себя на родине не бывал. Он, видимо, быстро обрусел — сохранившиеся его письма и служебные донесения свидетельствуют, что русским языком владел он легко и свободно.

Следов о первых двадцати годах его службы в русском флоте осталось мало. Беринг в России начал с того, что возил лес на остров Котлин, где строилась «фортеция» Кроншлот (будущий Кронштадт). Потом он командовал дозорным судном, следившим за действиями шведского флота. В 1711 году он участвовал в Прутском походе Петра против турок, командуя двадцатипушечным кораблём. Прутский поход был для Петра неудачен, пришлось вернуть Турции завоёванный за несколько лет перед тем Азов, и участники этого похода не получили ни наград, ни повышений. Беринг вернулся на Балтику. Шла война со Швецией, русский флот был беспрестанно в боях, отличившиеся моряки упоминались в реляциях, получали награды, повышались в чинах. В реляциях и наградных списках Беринг не упоминался. Правда, к концу войны Витус Беринг был уже не мичманом, а капитаном. Однако, если принять во внимание, что он семнадцать лет прослужил на войне, а во время войны способные люди продвигаются особенно быстро, можно только удивляться, что Беринг стал всего лишь капитаном.

В последние военные годы капитан Беринг командовал девяностопушечным фрегатом. В 1721 году, при заключении мира, множество офицеров получило повышение в чинах. Но Беринга обошли — он так и остался капитаном. Это обидело его, и он подал в отставку. Видимо, он надеялся этим повлиять на начальство и добиться повышения. Но начальство почему-то было им недовольно — почему, мы не знаем. Расчёт не удался — отставка его была принята.

В те годы он уже имел семью, которую поселил в Выборге, в маленьком доме. Выйдя в отставку сорока лет, он оказался без всяких средств к существованию. Он подождал немного и подал

прошение разрешить ему вернуться на родину, в Данию. Он опять рассчитывал, что его не отпустят и вернут на службу. И опять расчёт не удался — 10 марта 1724 года ему выдали заграничный паспорт. Он мог ехать куда угодно, в нём не было нужды. Это ужаснуло Беринга. Что ему делать в Дании, где он не был больше двадцати лет, где у него нет ни связей, ни положения, ни денег? Он заметался. Вместо того чтобы уехать, он стал беспрестанно обращаться в адмиралтейств-коллегию с просьбами восстановить его на службе. В этих просьбах он всякий раз указывал, что когда-то совершил плавание в Индию. Вероятно, это плавание он считал своим главным козырем, потому что в тогдашнем русском флоте мало было моряков, которым доводилось ходить на кораблях так далеко. Впрочем, он заранее соглашался на любую должность.

В августе 1724 года его просьбы, наконец, уважили и Беринга вернули на флот. Он опять стал командовать фрегатом, но уже не девяностопушечным, а гораздо меньшим — шестидесятипушечным. И чин у него остался прежний — чин капитана флота.

До нас дошёл всего один портрет Беринга, да и тот не вполне достоверный. На портрете изображено лицо толстяка с одутловатыми мягкими щёками, полными губами и двойным подбородком. Судя по описаниям, такой он и был — рослый рыхлый толстяк с мягким, нерешительным характером. О его медлительности и нерешительности единодушно пишут все, кто с ним вместе плавал. Отмечали и ещё одно его свойство — он был мягок со своими подчинёнными. В тот жестокий век это все считали недостатком, даже подчинённые.

И вот этому человеку, который за сорок четыре года жизни не совершил ничего выдающегося и которым явно были недовольны, Пётр Первый поручил выполнение грандиозного замысла Лейбница — заново открыть Америку и узнать, далеко ли до неё от Азии.

Почему?

Нам это неизвестно, и мы можем только строить предположения. Безусловно, некоторую роль здесь играло то, что Беринг в далёкой юности совершил плавание в Индию. Пётр, конечно, это учитывал, но вряд ли это обстоятельство было решающим. Есть даже предположение, что Беринг был назначен начальником экспедиции именно потому, что им были недовольны.

Сейчас это кажется донельзя странным, неправдоподобным. А между тем в России восемнадцатого века, да и позже, это казалось вполне естественным. Ведь Беринга направляли в Сибирь, а Сибирь была местом ссылки. И не только для тех, кого

туда действительно ссылали, но и для всех чиновников, которых туда отправляли служить. Если какого-нибудь вельможу назначали в Тобольск сибирским губернатором, он знал, и все знали, что назначен он туда в наказание. Что, если Беринга отправили открывать Америку, потому что считали недостойным служить в Петербурге?

Это предположение, казалось бы, подкрепляется тем, что Беринг был явно недоволен своим назначением. В своих письмах к разным влиятельным людям, написанных за годы обеих его экспедиций, он снова и снова просит походатайствовать, чтобы его освободили от должности начальника экспедиции и дали ему возможность вернуться домой, к семье. Он не стремился совершать подвиги, он не хотел знать, далеко ли от Азии до Америки.

И всё-таки предположение это безусловно неверно. Пётр слишком долго вынашивал идею нового открытия Америки, слишком дорожил ею, чтобы отдать её в руки человека недостойного, неспособного довести её до конца. Он хорошо знал свой флот и своих офицеров. Он отгадал в Беринге такие качества, которые заставили его остановить свой выбор именно на нём.

И, как показало дальнейшее, в выборе своём Пётр не ошибся.

3. САМАЯ ДЛИННАЯ ДОРОГА В МИРЕ

Итак, Беринг не хотел отправляться в путешествие. Но у него не было никакого выхода.

Только выполнив инструкцию Петра, он мог вернуться в Петербург. Он был подобен человеку, которого загнали в трубу и который понимает, что он может вылезти на свет, только проползая всю трубу до конца. И, поняв это, он принялся за выполнение своей задачи с удивительным упорством, настойчивостью, деловитостью.

Через несколько недель Пётр умер, но приказ его оставался приказом. Власть над Россией оказалась в руках Меншикова, ближайшего друга Петра и крупнейшего вельможи петровского времени. Александр Меншиков, сын конюха, торговавший в детстве пирогами на улицах Москвы, был человек неродовитый, и родовая знать — потомки князей и бояр — ненавидела его. Родовая знать мечтала возвести на престол малолетнего внука Петра, которого также, как деда, звали Петром Алексеевичем, потому что он был единственным сыном царевича Алексея Петровича, сына Петра от первого брака. Алексей Петрович всю жизнь был сторонником знати и врагом отцовских нововведений, и Пётр казнил его. Теперь, когда Пётр умер, знать мечтала о возведении на престол сына казнённого царевича. Но Меншиков решил иначе. Опираясь на созданную Петром гвардию, он возвёл на престол вторую жену Петра, Екатерину, которая стала императрицей Екатериной Первой.

Так впервые в истории на русском престоле оказалась женщина.

Как и Меншиков, Екатерина Первая не отличалась родовитостью. Она была дочерью литовского крестьянина и в юности служила нянькой у одного лютеранского пастора в Прибалтике. Звали её тогда Мартой. Екатериной она стала, когда перешла в православие, чтобы выйти замуж за Петра. Пётр влюбился в неё во время одного из своих походов, и Меншиков, лучший друг Петра, способствовал этому браку. К Меншикову Екатерина относилась отлично, и тот, возводя её на русский престол, знал, что власть останется у него в руках.

Меншиков, ближайший сподвижник Петра, овладев властью, всюду подчёркивал, что он будет продолжать политику Петра. Естественно, нечего было рассчитывать, что он отменит указ, подписанный Петром перед самой смертью. Беринг понимал это и

спешно готовился к отъезду.

Указом Петра были назначены и два главных помощника Беринга — лейтенанты Мартын Шпанберг и Алексей Чириков. Мартын Шпанберг, как и Беринг, был родом датчанин. Однако общего между ними не было ничего, они не любили друг друга и не радовались, что им придётся служить вместе. В отличие от Беринга Шпанберг плохо говорил по-русски, ещё хуже читал и писал. У него была репутация хорошего моряка, но грубого, жестокого человека. В восемнадцатом веке грубость и жестокость были явления обычные и привычные, и поэтому нужно было быть действительно очень грубым и очень жестоким, чтобы современники это заметили. Шпанберг был на редкость груб и жесток, подчинённым своим постоянно угрожал кнутом и виселицей и даже своему товарищу по службе лейтенанту Чирикову сулил отрубить нос и уши. Вопрос о том, существует ли пролив между Азией и Америкой, не занимал его нисколько. Но моряк он был превосходный, морское дело знал в совершенстве — и суда умел строить и водил их хорошо. В отличие от Беринга в экспедиции он видел для себя возможность сделать карьеру и старался этой возможностью воспользоваться.

Лейтенант Алексей Ильич Чириков, третий участник экспедиции, назначенный самим Петром, был человек совсем другого склада. Современники отзываются о нём как о человеке образованном, серьёзно начитанном. Морское дело и историю открытий знал он превосходно. По-видимому, лишь ему одному из троих научные цели экспедиции были не только вполне понятны, но и дороги. Однако в то время он был крайне молод — ему шёл только двадцать второй год. Незадолго перед тем он окончил морскую академию в Петербурге, и окончил её блестяще. В лейтенанты он был произведён досрочно, «за знание наук, другим не в образец», но в дальних походах не бывал и особого уважения в морских кругах завоевать не успел. Естественно, что такие моряки-практики, как Беринг и Шпанберг, не имевшие никакого образования, но обладавшие огромным опытом, не склонны были с ним особенно считаться. К тому же по характеру он был очень скромен и словно нарочно старался держаться на втором плане. Приказания Беринга, своего прямого начальника, он исполнял точно и безропотно, Шпанберга он терпеть не мог и порой, за долгие годы совместной службы, открыто враждовал с ним. Но и во вражде проявлял мягкость, уступчивость, и грубый, самоуверенный Шпанберг мало с ним считался.

Люди, входившие в состав экспедиции, покидали Петербург отдельными группами между 24 января и 5 февраля 1725 года. Всего отправилось свыше шестидесяти человек — матросы,

солдаты, штурманы, гардемарины. Их сопровождал огромный обоз — паруса, снасти, якоря, цепи, гвозди для постройки судов, продовольствие. Сейчас трудно себе даже вообразить, какие трудности им предстояло преодолеть, чтобы добраться через Сибирь до берегов Тихого океана. Тракт, по которому можно было ехать на лошадях, доходил только до Тобольска. Дальше до самого Охотского моря не существовало ни троп, ни дорог.

До Тобольска ехали через Вологду, Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Тюмень. Путь этот проделали для конного обоза очень быстро — за полтора месяца. 16 марта 1725 года экспедиция со всем обозом прибыла в Тобольск, на берег Иртыша.

Едва вскрылся Иртыш, экспедиция, захватив все свои грузы, села в лодки и поплыла вниз по течению — до впадения Иртыша в Обь. Затем двинулась вверх по Оби — до впадения в Обь реки Кеть. Затем двинулась вверх по Кети — почти до самых истоков. От истоков Кети до Енисейска всего 70 километров. Этот участок пути проехали на лошадях и оказались на берегу Енисея.

Опять перегрузились в лодки и двинулись вверх по Енисею — до впадения в Енисей Ангары. Пошли вверх по Ангаре — до впадения в Ангару Илима. Свернули в Илим. Был уже конец сентября, Илим замерзал. Двигались до последней возможности, но вскоре пришлось остановиться и зазимовать.

Весной следующего, 1726 года, чуть вскрылись реки, двинулись в дальнейший путь. От верховьев Илима недалеко до Лены. Перевалив через водораздел на лошадях, они вышли на берег Лены возле села Усть-Кут. Опять пересели в лодки и поплыли вниз по течению Лены до Якутска. В Якутск прибыли во второй половине июня 1726 года.

Осталась самая трудная часть пути. Реки между Леной и Охотским морем быстры, порожисты, малосудоходны и, главное, не сплетаются своими притоками так, как реки бескрайней сибирской равнины. От Якутска до Охотска не было в то время даже тропы — сплошная лиственничная и кедровая тайга, покрывающая сопки. А между тем отряд Беринга, проходя через Сибирь, сильно вырос — главным образом за счёт плотников и других мастеров, которые необходимы были для строительства корабля. Беринг нанимал их всюду, где только мог. Но особенно выросли грузы. К востоку от Лены нигде нельзя было достать никакого продовольствия, кроме, может быть, рыбы. В Якутске нужно было запастись мукой на несколько лет вперёд. Муки требовалось так много, что добыть её всю сразу оказалось невозможным. Нужно было найти выход из положения, и Беринг составил такой план.

Он разделил экспедицию на три отряда. Первый отряд должен был отправиться верхом на лошадях, захватив с собой большую часть заготовленной провизии и лёгкие вещи. Этот отряд возглавил сам Беринг. Второй отряд, захватив самые тяжёлые и громоздкие грузы, должен был на лодках попытаться пройти по рекам как можно ближе к Охотскому морю. Во главе второго отряда Беринг поставил Шпанберга. Третий отряд должен был зазимовать в Якутске, чтобы заготовить как можно больше продовольствия и весной 1727 года доставить это продовольствие в Охотск. Этот отряд, самый малочисленный, поручен был Чирикову.

Первый отряд двинулся из Якутска в конце августа на 663 лошадях. На каждую лошадь было навьючено пять пудов груза. Путь до Охотска был настолько тяжёл, что 267 лошадей пали по дороге. И всё же Беринг со своим отрядом был в Охотске уже в первой половине октября — через двадцать месяцев после отъезда из Петербурга.

Гораздо хуже обошлось дело с речным отрядом Шпанберга. Он двинулся в путь на тринадцати плоскодонных лодках. Лодки были плоскодонные, чтобы легче проходить в мелких местах, но это помогло мало, потому что они были тяжело нагружены и сидели глубоко. Поплыли сначала вниз по Лене — до впадения в Лену реки Алдан. Двинулись вверх по Алдану — до впадения в него Майи. Поплыли по Майе — до впадения Юдомы. Из всех рек Ленского бассейна Юдома ближе всех подходит к Охотскому морю. Шпанберг знал, что на берегу той излучины реки, откуда ближе всего к Охотску, поставлен большой деревянный крест. Этот опознавательный знак на Юдоме так и называли в то время — Юдомский крест. Нужно было во что бы то ни стало дойти до Юдомского креста, прежде чем Юдома замёрзнет. Сделать это Шпанбергу не удалось.

Лодка его вмёрзла в лёд за несколько сот километров от Юдомского креста. Случилось это уже в начале ноября. Что делать дальше? Зимовать здесь и тронуться в дальнейший путь следующим летом? Но ведь без этих грузов построить корабль невозможно. Застрянешь тут, и морское плавание отложится на целый год. Шпанберг был деятелен и энергичен, допустить такой задержки он не мог. Он потребовал от якутов и тунгусов, живших по берегам Юдомы, чтобы они доставили ему собачьи упряжки и нарты. Заставить их он мог только силой, и он заставил их силой — кнутом и виселицей. Ему удалось собрать сто запряжек и нарт, и он перегрузил на них то, что было в лодках. Но и на ста нартах весь груз не поместился, и часть его пришлось оставить на берегу.

Начался чудовищный по трудности зимний переход, в самые

морозы, через горы, леса и снежные пустыни. Вместе с нартами шли их владельцы — якуты и тунгусы, насильно мобилизованные Шпанбергом. Продовольствия не хватило, начался голод. «Идучи путём, — писал впоследствии Беринг в своём донесении, — оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мёртвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные». Тунгусы разбегались, уводя своих собак, Шпанберг пытался их ловить, но они бесследно пропадали в тайге. Переход длился два месяца. К концу января 1727 года сорок нарт из ста добрались до Охотска. Недоставленные грузы с шестидесяти нарт, брошенные, валялись в снегу на всём протяжении пути.

А между тем в Охотске у Беринга создалось крайне трудное положение. Охотск, единственное тогда русское поселение на Охотском море, состоял в те времена всего из десяти изб. Пришедшие с Берингом люди не могли в них поместиться, и прежде всего нужно было строить жильё. Нужно было строить амбары для грузов. А тут оказалось, что лошадей, приведённых Берингом, совершенно нечем кормить, и они ежедневно десятками околевали от голода. Пользы от них не было никакой, и людям на себе приходилось таскать камни, брёвна, глину. И вот вдруг в середине зимы выяснилось, что Шпанберг растерял в пути большую часть грузов, необходимых для постройки корабля. Надо было немедленно спасать грузы. Беринг сразу же послал всех людей, способных двигаться, обратно на Юдому. Теперь уже не было и собак, и люди волочили нарты на себе. Дело это в февральские морозы оказалось до того мучительным и трудным, что многие умерли в пути. Разбегались теперь не только тунгусы, но и русские. Но Шпанберг наказывал непокорных с обычной своей жестокостью, и к апрелю большая часть грузов была уже в Охотске.

Теперь Берингу предстояло решить, что делать дальше. Откуда начать своё морское плаванье к северу? В инструкции Петра говорилось об этом довольно неопределённо: «Надлежит на Камчатке или другом тамож месте зделать два бота с палубами». Следовательно, Беринг, не нарушая инструкции, имел право построить свой корабль в Охотске и начать плаванье отсюда; обогнув Камчатку с юга, он мог двинуться на север, не прибегая к перегрузкам. Это было бы наиболее естественно и с точки зрения затраты труда и времени наиболее выгодно. Однако Беринг отверг этот план. Он остановился на другом: переправить грузы на восточное побережье Камчатки, там построить корабль и оттуда начать плаванье. Возможно, здесь сказалась присущая ему нелюбовь к слишком решительным поступкам. Кроме того, у него,

видимо, было преувеличенное представление об опасности плавания вокруг Камчатки. Но, скорее всего, его соблазнил недостроенный шитик, который он обнаружил в Охотске. Этот шитик легко было достроить за несколько недель. На нём можно было пересечь Охотское море и добраться до Камчатки. Но, конечно, нечего было и думать плыть на нём по Тихому океану к Северу.

Шитики строили так: в основу клали выдолбленный древесный ствол, который назывался «трубой», или «днищем»; к нему нашивали боковые доски — отсюда и название «шитик». Получалось судно длиной метров в десять, шириной метра в четыре. Достроив найденный в Охотске шитик, Беринг назвал его «Фортуной». Он немедленно начал грузить «Фортуну», но, конечно, в ней не поместилась и половина грузов. Уже 30 июня «Фортуна» под командованием Шпанберга вышла в море и взяла курс к Камчатке, но не к восточному её побережью, а к ближайшему, западному, к устью реки Большой, впадающей в Охотское море.

Через несколько дней, 3 июля, в Охотск прибыл Чириков со своим отрядом. Переход в отличие от Шпанберга он совершил вполне благополучно и привёз из Якутска 2 300 пудов муки. Узнав о распоряжениях Беринга, он остался ими недоволен и не скрывал этого. Он считал, что если уж отказались от мысли строить большой корабль в Охотске, то нужно было попытаться переправить грузы прямо на восточный берег Камчатки. Но говорить об этом было поздно, потому что «Фортуна» уже ушла в море.

Шпанберг в несколько дней достиг устья реки Большой и сразу же приступил к разгрузке. В устье Большой находилось русское поселение из четырнадцати дворов — Большерецкий острог, или, попросту, Большерецк. Здесь Шпанберг нашёл ещё один шитик и сразу же овладел им. И на двух шитиках пустился в обратный путь через Охотское море.

В Охотске оба шитика захватили оставшиеся грузы и необходимых людей. 3 сентября Беринг со всей экспедицией был уже в Большерецке.

Путь дальше, к восточному побережью Камчатки, наметили так: плыть вверх по реке Большой сколько возможно, затем на санях добраться до реки Камчатки, которая течёт на восток, и по ней достигнуть Тихого океана. Это был старинный традиционный русский способ путешествовать: вверх по одной реке, потом волоком через водораздел, и дальше — по другой реке. На русских и сибирских равнинах, изрезанных реками, лучшего способа не существовало. Но здесь, на Камчатском полуострове,

мог быть и другой способ — обогнуть полуостров морем. Этот способ освобождал от перегрузок — обстоятельство очень важное, если принять во внимание, какой огромный груз везла с собой экспедиция. Однако Беринг, всегда считавший обычное менее рискованным, предпочёл двигаться по рекам.

Построили лодки, перегрузились и пошли вверх по Большой. Стояла уже глубокая осень. Когда выпал снег и река стала, перегрузились на нарты, запряжённые собаками. Здесь действовали так же, как между Якутском и Охотском: силой отбирали собачьи упряжки у камчадалов и силой заставляли хозяев собак сопровождать экспедицию в качестве погонщиков и носильщиков. Для камчадалов экспедиция Беринга была бедствием — занятые перевозкой грузов, они упустили удобное время зимней охоты, которая кормила их в течение всего года, а собаки — единственная их драгоценность — почти все погибли. Камчадалы разбегались, бунтовали, но Шпанберг укрощал их с обычной своей жестокостью. Беринг писал в донесении об этом переходе: «Каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурга, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают».

До устья реки Камчатки, до Тихого океана добрались в марте 1728 года. Больше трёх лет прошло с того дня, когда экспедиция вышла из Петербурга. 4 апреля заложили корабль, которому дали имя «Гавриил». На постройку корабля ушла вся весна. «Гавриил» имел в длину 21 метр — по тем временам не малый корабль — и к первым числам июля был уже готов. 8 июля его спустили на воду и начали спешно грузить. Провианта взяли на год на сорок человек.

4. ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ БЕРИНГА

Пошли, как было указано в инструкции Петра, вдоль азиатского берега на север. Берег чем дальше к северу, тем больше отклонялся на восток, как бы навстречу Америке. Впрочем, места эти были уже русским знакомы и приблизительно нанесены на карты. 28 июля миновали устье реки Анадырь. Это было самое восточное место Азии, о котором в те времена имелись хоть сколько-нибудь ясные сведения. О землях дальше к востоку известно было лишь по смутным слухам.

К северу от устья реки Анадырь Беринг открыл губу, которую назвал бухтой Креста. После бухты Креста берег круто повернул на восток и даже на юго-восток. 6 августа «Гавриил» подошёл к устью маленькой речки и стал на якорь, чтобы наполнить бочки пресной водой. К нему в кожаной лодке-байдарке приплыли восемь чукчей. Беринг разрешил им взойти на борт и стал расспрашивать с помощью переводчиков-коряков, взятых на Камчатке. Из расспросов этих удалось узнать очень мало — по-видимому, коряки плохо понимали чукчей. Однако всё же удалось установить одно важное обстоятельство: чукчам была известна река Колыма, впадающая в Северный Ледовитый океан. Этим особенно заинтересовался Чириков — вот, казалось бы, доказательство, что Тихий океан соединяется с Северным Ледовитым! Чириков принялся сам расспрашивать чукчей, но его ждало разочарование. Выяснилось, что чукчи ходили к Колыме не морем, а по суше. Можно ли пройти из их селения до устья Колымы морем, они не знали.

10 августа азиатский берег опять круто повернул к северу. Чирикова это обрадовало — быть может, тут начинается пролив, соединяющий Тихий океан с Ледовитым. Он сказал об этом Берингу, и тот, к удивлению его, ответил:

— Вот и хорошо. Пролив найден, Азия с Америкой не соединяются, и мы можем вернуться.

Чирикова ответ этот поразил. Он стал доказывать, что пролив нужно пройти до конца и повернуть только тогда, когда они убедятся, что действительно находятся в Ледовитом океане. Кроме того, нужно определить ширину пролива и узнать, далеко ли от Азии до Америки...

Беринг ничего ему не возразил и, казалось, согласился. «Гавриил» продолжал плыть вдоль берегов Азии к северу. Чириков ждал, что азиатский берег начнёт вот-вот отклоняться к западу. Но берег не отклонялся. Так прошло три дня. 13 августа, когда «Гавриил» достиг 65 градусов 30 минут северной широты,

Беринг внезапно созвал у себя в каюте совет офицеров и задал вопрос: что делать дальше?

У Беринга была черта, неожиданная в человеке восемнадцатого века: демократичность. Во всех трудных случаях он любил советоваться, совещаться, выслушивать мнения своих подчинённых, давая им полную волю высказываться и нисколько не сердясь, когда чьё-либо мнение резко противоречило его собственному. Нередко советовался он не только со своими ближайшими помощниками, но даже с простыми матросами. Эта его черта постоянно вызывала множество нареканий — и со стороны его современников и со стороны позднейших исследователей его путешествий. Современники обвиняли Беринга в вялости, в нерешительности, в неумении командовать, в неумении поддерживать дисциплину, позднейшие исследователи — в том, что мы теперь называем «перестраховкой», в стремлении спрятаться за мнением других и уйти от ответственности. Но внимательное рассмотрение фактов не подтверждает таких суждений. Беринг с удивительной терпимостью выслушивал все мнения, охотно шёл на мелкие уступки, но в вопросах действительно важных всегда принимал то решение, которое сам считал правильным. По-видимому, его любовь к советам вытекала из уверенности, что в трудных условиях люди охотнее будут выполнять те решения, в принятии которых они сами участвовали.

На совете 13 августа, как мы знаем из судового журнала «Гавриила», были высказаны два противоположных мнения.

Первое мнение высказал Шпанберг. Он предложил идти к северу ещё три дня, а затем повернуть обратно. Рассуждал он так: уже середина августа, лето в этих широтах кончается рано, «Гавриил» может застрять во льдах, и что будет дальше — неизвестно.

Второе мнение высказал Чириков. Он утверждал, что цели экспедиции не достигнуты. Неведомо, действительно ли они нашли пролив из Тихого океана в Ледовитый. Неведомо, далеко ли отсюда до Америки. Никаких льдов пока не видно. Следовательно, нужно плыть дальше.

Мнение Чирикова записано в журнале так: «Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины простирается восточный берег Азии и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдём до устья реки Колымы или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему Благородию указа, подле земли идти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки

Колымы, до мест показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет поклоняться ещё к северу, то подлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать...»

Чириков был, несомненно, прав, а Шпанберг, несомненно, не прав. Но Беринг присоединился к мнению Шпанберга и тем решил дело.

Ещё три дня «Гавриил» шёл к северу по проливу, который теперь весь мир называет проливом Беринга. Но Беринг видел только один берег пролива и не мог знать, что это действительно пролив. В сущности, они уже находились в Ледовитом океане. Но Беринг не знал и этого. От Америки его здесь отделяло каких-нибудь 80 километров. Но он и этого не знал. Ему нужна была какая-нибудь неделя, чтобы с полной достоверностью выяснить всё, чего от него требовал Пётр. Но 16 августа, достигнув 67 градусов 8 минут северной широты, «Гавриил» повернул обратно.

1 сентября экспедиция вернулась в устье реки Камчатки и там зазимовала.

О путешествиях Беринга много писали — и в восемнадцатом веке, и в девятнадцатом, и в наше, советское, время. И для всех писавших о первой его экспедиции оставалось непонятным, как Беринг мог не заметить, что инструкция Петра им не выполнена. Как он мог не сознавать, что у него нет окончательных доказательств ни существования пролива между Тихим океаном и Ледовитым, ни того что, Азия не соединена с американской сушей? Как он, потративший столько труда и времени на подготовку экспедиции, проявивший такую твёрдую волю при перевозке грузов, при преодолении бескрайних пространств Сибири, при постройке корабля, мог повернуть, когда был уже почти у цели, и тем легкомысленно поставить под сомнение результаты всех своих многолетних усилий? Этот вопрос задавали многие и не находили ответа — оттого, что искали ответ не там, где нужно.

После возвращения на Камчатку все помыслы Беринга были, видимо, направлены к одной цели — как можно скорее вернуться в Петербург. Однако первое время, он это тщательно скрывал от своих спутников. Он, несомненно, стремился обезопасить себя от возможных обвинений в том, что инструкция Петра им не выполнена сознательно. Могут, например, сказать, что он не сделал ни одной попытки достигнуть берегов Америки. И он объявил всем членам экспедиции, что будущим летом собирается плыть на «Гаврииле» прямо на восток — к американским берегам. Всю зиму готовились к этому плаванью — ремонтировали и грузили корабль. 5 июня 1729 года «Гавриил» вышел из устья

реки Камчатки и двинулся прямо на восток.

Беринг плыл по той части Тихого океана, которая теперь называется Беринговым морем. Ему тогда и в голову не приходило, что потомки назовут это море его именем. На этот раз он в действительности вовсе не стремился ни пересечь его, ни исследовать. Пройдя двести с небольшим километров, «Гавриил» уже через три дня, 8 июня, изменил курс и пошёл на юг.

Естественно, Беринг не мог всерьёз рассчитывать наткнуться на Америку в двухстах километрах к востоку от Камчатки. Ведь прошлым летом он, плывя Беринговым проливом, находился, несомненно, восточнее и тем не менее на Америку не наткнулся. Повернув на юг, «Гавриил» обогнул южную оконечность Камчатки и вошёл в Охотское море. 23 июня он был уже в Охотске.

Сразу же, не теряя ни дня, Беринг помчался в Петербург. 29 августа он был уже в Якутске. С неслыханной для того времени быстротой он пересёк всю Сибирь и 1 марта 1730 года, после пятилетнего отсутствия, прискакал в Петербург.

5. ПЯТЬ ЛЕТ

Странное поведение Беринга, вдруг как бы оборвавшего своё путешествие, к которому он так усердно и долго готовился, кажется непонятным лишь тому, кто рассматривает историю его экспедиций без связи с теми важнейшими событиями, которые в то время происходили в стране. А между тем судьба экспедиции, созданной по замыслу Петра, полностью зависела от судьбы всех остальных петровских замыслов и дел, вокруг которых как раз в те годы шла ожесточённая борьба.

За те пять лет, что Беринг отсутствовал, в Петербурге совершилось множество событий. Менялись императоры на престоле, возвышались и падали временщики, несколько раз круто изменялся весь курс государственной политики. Все эти быстрые перемены отражали напряжённейшую схватку двух борющихся партий — партии сторонников петровских преобразований и партии сторонников возвращения России к тому положению, которое было до Петра. Партия сторонников петровских преобразований состояла главным образом из деятелей петровской эпохи, безродных людей, выдвинувшихся при Петре из низов. Их поддерживали купцы, промышленники, мелкопоместные и средние дворяне, чиновничество, а также офицеры созданных Петром гвардейских полков. Боролись с ними представители старой русской знати, потомки древних феодальных родов, заседавших некогда в боярской думе, упразднённой Петром, — князья Долгорукие, Голицыны, Трубецкие, Волконские, Репнины. Пётр потеснил старую знать, отстранил её от государственного управления, но у неё остались громадные земельные владения со множеством деревень и крепостных, остались несметные богатства, остались все прежние притязания на власть.

Борьба эта началась сразу после смерти Петра, шла с переменным успехом, долго нельзя было сказать, на чьей стороне останется победа, и вся Россия следила за ней напряжённо и молча. Да и как было не следить, когда от исхода этой борьбы зависели судьбы всего государства, множества учреждений и великого множества отдельных людей. Потомки феодальных боярских родов, жившие на доходы со своих громадных населённых крепостными вотчин, нисколько не были заинтересованы ни в построенном Петром флоте, ни в построенном им Петербурге, ни в его каналах, ни в его школах, типографиях и академиях, ни в его мерах по освоению Сибири, ни в созданном им централизованном аппарате власти, который

ограничивал их произвол. Было ясно, что, если они победят, всё учреждённое Петром пойдёт насмарку. А люди, поддерживавшие Петра, осуществлявшие своими руками его преобразования, будут уничтожены.

Экспедиция Беринга, которая должна была установить близость дальневосточных русских владений к Америке, принадлежала к числу наиболее характерных петровских начинаний, и деятели этой экспедиции, люди безродные, бедные и незащищённые, не могли не понимать, что их ждёт, если власть окажется в руках озлобленных противников петровских преобразований. Не без основания опасались они, что все их заслуги будут поставлены им в вину, и с жадностью и тревогой ловили каждую весть из Петербурга. И эти тревоги, эти вести отражались на всей их деятельности.

Пока на императорском престоле сидела вдова Петра Екатерина Первая, положение сторонников петровских нововведений казалось более или менее прочным. Вся власть была сосредоточена в руках у Меншикова, ближайшего сподвижника Петра. Однако Меншиков всё время чувствовал силу враждебной партии и не прочь был с нею сговориться ценой небольших уступок. Железной воли Петра уже не было у него за спиной, и он не боролся со своими врагами, а пытался задобрить их, раздавая им разные важные государственные посты и тем самым их постепенно усиливая. Положение Меншикова сделалось особенно сложным, когда Екатерина внезапно заболела и стали опасаться её смерти.

У Петра и Екатерины были две дочери — Анна и Елизавета, — и Меншиков вначале склонялся к тому, чтобы провозгласить одну из них наследницей престола. Но он отлично знал, что это вызовет яростное противодействие знати, которая считала законным наследником внука Петра, сына убитого Петром царевича Алексея. Царевич Алексей был сторонником старых порядков, и знать надеялась, что маленький его сынок Пётр Алексеевич будет придерживаться взглядов своего отца, а не деда.

Этому Петру Алексеевичу только что исполнилось тогда одиннадцать лет. И Меншикову показалось, что именно в этом вопросе он может сделать уступку враждебной партии без особого вреда для себя. Знать будет довольна, а одиннадцатилетнего ребёнка нетрудно прибрать к рукам. И когда 6 мая 1727 года императрица Екатерина Первая умерла, он, в обход её дочерей, провозгласил императором Петра Второго.

Первое время всё шло как было задумано. Меншиков полностью завладел ребёнком-императором. Он даже перевёз его

из дворца в свой дом на Васильевский остров. Воспитание его он поручил Остерману — тоже одному из деятелей петровской эпохи. Мало того, он задумал женить императора на своей дочери Маше и таким образом породниться с царствующим домом. Пётр Второй был слишком юн для женитьбы, но обручение можно было совершить уже сейчас, и Меншиков торжественно обручил его с Машей. Себя самого Меншиков произвёл в генералиссимусы, то есть в самый высокий чин русской армии. Казалось, власть его достигла предела и стала несокрушимой.

Всё это вызвало бешеную ярость родовитой знати. Заговор, поставивший себе целью свергнуть Меншикова, а вместе с ним и все петровские порядки, разрастался. Соратники и друзья Меншикова давно уже чувствовали угрожающую ему опасность, стали тайно перебегать на сторону его врагов, чтобы обезопасить себя. Предал его и хитрейший, осторожнейший Остерман, которому он поручил воспитание мальчика-императора. Подстрекаемый Остерманом, Пётр II начал грубить своей невесте, поворачивался к Меншикову спиной и требовал, чтобы его перевели обратно во дворец.

Заговорщики, постепенно захватившие важнейшие посты, добились своего. Произошёл государственный переворот. 8 сентября 1727 года Меншиков по повелению молодого императора был арестован. Его сослали в Сибирь, на реку Обь, в Берёзов, где он через два года умер.

Власть захватила старинная русская знать, и прежде всего два самых знатных рода — князья Долгорукие и Голицыны. Долгорукие вели своё происхождение от Рюрика и от основателя Москвы Юрия Долгорукого; Голицыны — от литовского князя Гедимина. Они считали себя несравненно знатнее Романовых — русских царей и императоров. Захватив власть, они стали осторожно, но упорно искоренять всё, что было сделано Петром Первым.

Они перевели столицу России обратно в Москву, подальше от созданного Петром флота, поближе к своим громадным подмосковным имениям. Перевели в Москву важнейшие государственные учреждения, перевезли туда и маленького императора. Теперь у этого мальчика была уже другая невеста — не Маша Меншикова, а Катя Долгорукая. Высшие государственные должности распределяли они, руководствуясь не заслугами, а знатностью. Созданный Петром Правительствующий сенат они лишили всякого значения. Нововведения Петра уничтожались ими постепенно, но неуклонно, и все понимали, что это только начало. В помощь себе они всячески укрепляли униженную Петром церковь и готовились к восстановлению

патриаршества.

Вести об этих событиях с поразительной быстротой разносились по всей громадной стране от Балтийского моря до Тихого океана. В те времена не было телеграфа, но тревожным вестям свойственно скакать быстрее любого курьера. Обсуждать эти вести боялись даже с ближайшими друзьями, но значение их понимали отлично — всему затеянному Петром пришёл конец.

И для множества людей это были страшные вести — для всех тех, кто работал вместе с Петром, кто свои руки, шпагу, знания поставил на службу его делу. Для Витуса Беринга это были страшные вести.

Безродный и беззащитный чужеземец, ничем не владевший в России, Беринг был связан с делом Петра всей своей судьбой, всей жизнью. Пётр дал ему офицерский чин, поручал ему командовать кораблями, назначил его начальником экспедиции, предначертал её задачи. Уже когда до Беринга дошла весть о смерти вдовы Петра Екатерины и о восшествии на престол сына казнённого Петром царевича Алексея, у него появилось достаточно оснований для тревоги за судьбу экспедиции и за своё будущее. О государственном перевороте в Петербурге и о ссылке Меншикова он узнал весной 1728 года, как раз тогда, когда готовился выйти в море на только что построенном «Гаврииле». Надо ли удивляться тому, что Беринг, отлично понимая, с какой бешеной враждой отнесутся враги Петра к петровской затее заново открыть Америку, заволновался, заторопился, отверг предложение Чирикова остаться зимовать на Чукотке, смял конец путешествия и при первой возможности помчался в Петербург, чтобы попытаться предотвратить грозящие удары и узнать, что его ждёт впереди.

Но пока он стремительно скакал через Сибирь в Петербург, в Москве случилось непредвиденное событие — Пётр Второй, которому только что исполнилось четырнадцать лет, вдруг заболел оспой и 19 января 1730 года умер.

Долгорукие и Голицыны стали решать, кому отдать императорскую корону. Старшая дочь Петра Первого к этому времени уже умерла, и оставалась только младшая, Елизавета. Это была двадцатилетняя девушка, здоровая, весёлая, деятельная и очень похожая на отца лицом. Но Долгоруких и Голицыных как раз это и страшило. Они от всей души ненавидели её отца и его новшества. У Петра Первого была племянница Анна, дочь его брата Ивана, с которым когда-то, в детстве, при регентстве царевны Софьи, он вместе сидел на русском престоле. Эту Анну Пётр выдал замуж за герцога Курляндского, но она скоро овдовела и теперь жила у себя в Курляндии, в Митаве. Едва

маленький Пётр Второй умер, Долгорукие и Голицыны поспешно, чтобы не дать сторонникам Елизаветы опомниться, провозгласили Анну императрицей.

Они знали, что Анна, не любила своего дядю, и рассчитывали, что она станет их союзницей. Однако, чтобы перестраховать себя на всякий случай, они решили поставить Анне некоторые условия. Эти условия были таковы: Анна царствует, а власть остаётся в руках нескольких старинных аристократических родов. Они написали эти условия и отправили Анне в Митаву на подпись.

И Анна, которой не терпелось царствовать, подписала.

Это было полное торжество антипетровской боярской партии. Но торжество это длилось недолго. 15 февраля 1730 года Анна въехала в Москву и сразу обнаружила, что тут все крайне недовольны властью Долгоруких и подписанными ею условиями. Недовольны были униженные Долгорукими сенаторы, чиновники, купцы, мелкопоместные дворяне и, главное, офицеры созданной Петром гвардии, державшие в своих руках единственную реальную силу — солдат. И Анна сразу сообразила, что ей не нужны ни Долгорукие, ни Голицыны. 25 февраля она порвала ограничивавшие её власть условия, прогнала Долгоруких и объявила, что будет править по заветам Петра.

Случилось это за пять дней до возвращения Беринга в Петербург.

Если бы Беринг вернулся в Петербург до переворота 25 февраля 1730 года, его дальнейшая судьба сложилась бы, вероятно, совсем иначе. Долгоруким и Голицыным не было никакого дела до того, соединяется ли Азия с Америкой и широко ли море между Америкой и Камчаткой. Главное, не было им никакого дела до указа Петра — все петровские затеи были им ненавистны. Если бы Беринг вернулся, когда они стояли у власти, никто не стал бы спрашивать с него отчёта о его путешествии. Он, как петровский деятель, либо попал бы в опалу, либо был бы отпущен за границу, либо, в лучшем случае, был бы оставлен на флоте, получил бы какую-нибудь незначительную должность и мирно дожил бы свои дни.

Но всё получилось не так. За пять дней до его приезда Долгорукие и Голицыны были свергнуты, и власть опять находилась в руках у сторонников петровских преобразований. Императрица Анна, никогда прежде не любившая Петра, теперь клялась во всех манифестах, что будет править по заветам своего великого дяди. Петровские указы снова неукоснительно выполнялись.

Беринг отправился в путешествие по приказанию Петра, и,

когда он вернулся, от него потребовали подробного отчёта, чтобы установить, точно ли он выполнил всё ему приказанное.

Адмиралтейств-коллегия изучила его отчёт, сравнила с инструкцией Петра и без труда установила, что он её выполнил далеко не всю. Правда, своим плаванием он доказал, что Азия нигде не соединяется с Америкой южнее 67-го градуса северной широты. Но, может быть, оба материка соединяются севернее? Кроме того, он вообще не видел американских берегов и, следовательно, не мог дать никакого ответа на вопрос, далеко ли от Азии до Америки.

Таким образом, адмиралтейств-коллегия полностью признала правильность того, что на «Гаврииле» доказывал Берингу Чириков. Инструкция Петра не выполнена, а между тем она должна быть выполнена во что бы то ни стало. Пётр поручил выполнение инструкции Берингу, Шпанбергу и Чирикову. Следовательно, Беринг, Шпанберг и Чириков должны снова отправиться на Тихий океан и не возвращаться, пока не установят, далеко ли от Азии до Америки.

Итак, нужно было всё начинать сначала.

6. ОПЯТЬ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

Лейбниц давно лежал в могиле, но мысль его благодаря приказу Петра двигала людьми, обозами, кораблями. Пётр тоже лежал в могиле, но приказ его никто не мог отменить, хотя те, кто требовал выполнения этого приказа, и те, кто выполнял его, часто очень плохо понимали, зачем нужно его выполнять.

Экспедицию снаряжали заново и на этот раз задачи, стоявшие перед ней, чрезвычайно расширили. Ей поручили исследовать сибирские берега Ледовитого океана, описать народы, населяющие Сибирь, и точно установить, далеко ли от Камчатки до Японии. Но главное оставалось прежним — Беринг должен был узнать, широко ли море, отделяющее север Азии от севера Америки.

Поняв, что вторая экспедиция неизбежна, Беринг сразу же занялся её подготовкой — с усердием, добросовестностью и упорством. Это очень характерно для него — он всегда бывал на редкость усерден и упорен, когда ясно сознавал, чего от него требуют. Едва исчезли основания для колебаний, которые он проявлял в конце первой своей экспедиции, он перестал колебаться. В разработке всех проектов, наставлений и инструкций, касающихся второй экспедиции, он принял самое деятельное участие. Он подал ряд документов в сенат, в которых излагал свои соображения и пожелания.

Все эти соображения и пожелания носили сугубо практический, хозяйственный характер. Научные цели экспедиции он предоставил формулировать другим, а сам сосредоточил всё своё внимание на практических средствах достижения этих целей, на хозяйственном обеспечении экспедиции. Из этих документов мы видим, что ум у него был прежде всего хозяйственный, практический. Он указывал, как надо запаковывать парусину, чтобы она не испортилась в пути, сколько, какого и к какому сроку потребуется железа для строительства кораблей — с точностью до одного пуда, советовал, где и когда нужно закупать продовольствие, проявляя при этом удивительное по точности знание разницы в ценах в разных местах Сибири. Готовясь к путешествию, он весь ушёл в хозяйственные мелочи. Надо полагать, что его хозяйственно-организаторские способности, его настойчивость и упорство в преодолении практических трудностей были хорошо известны Петру, и, возможно, именно в этом и заключалась причина, почему Пётр поручил осуществление своего заветного замысла не кому-либо другому, а Берингу.

Как я уже сказал, задачи экспедиции значительно расширили по сравнению с теми задачами, которые ставила инструкция Петра. России необходимо было хорошо знать сибирское побережье Ледовитого океана, которым она давно уже владела. Оно было известно только в общих чертах, хотя русские промышленники много раз его посещали. Не существовало точных карт, точных обмеров, — науке приходилось довольствоваться самыми приблизительными данными. Были и совсем «белые пятна»: очень мало знали об океанском побережье между устьями Енисея и Лены и не знали ничего достоверного о побережье к востоку от устья Колымы. Русское правительство волновал вопрос, возможно ли мореплавание по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири. Если бы такое плавание оказалось возможным и если бы к тому же окончательно выяснилось, что Ледовитый океан соединён с Тихим (а на это после первого путешествия Беринга можно было уже серьёзно рассчитывать), то насколько упростился бы путь на Камчатку, в Охотское море, в Америку (если бы она оказалась близко от Камчатки) и во все тихоокеанские страны! Как мы видим, вопрос исследования побережий Ледовитого океана тесно смыкался с задачами, которые Пётр поставил перед Берингом, и нет ничего удивительного в том, что решение этого вопроса поручили тому же Берингу.

Конечно, никто не требовал от Беринга, чтобы он сам занялся исследованием Ледовитого океана. Для этого был создан ряд отдельных групп, которые можно рассматривать как особые экспедиции. Перед каждой группой была поставлена ограниченная и вполне самостоятельная задача. Группа под командованием лейтенанта Дмитрия Леонтьевича Овцына должна была пройти морем из устья Оби в устье Енисея. Группа, руководимая Мининым и Стерлеговым, должна была пройти из устья Енисея в устье Лены. Так как пространство между устьями Енисея и Лены считалось наиболее труднопроходимым, навстречу этой группе — из Лены в Енисей — должна была двигаться другая группа под начальством лейтенанта Прончищева. От устья Лены на восток должна была идти группа под командованием лейтенанта Ласиниуса; этой группе поручено было дойти Ледовитым океаном до мест, которые Беринг посетил в первое путешествие, и, таким образом, окончательно доказать, что Ледовитый океан соединяется с Тихим. Все эти группы должны были действовать самостоятельно, но общее руководство ими было поручено Берингу.

Так же обстояло дело и с проектом плаванья от Камчатки в Японию. Беринг не обязан был сам плыть в Японию, но на него

возложили и организацию этого плавания и руководство им. Таким образом, хозяйство Беринга разрослось необычайно, и число его подчинённых выросло во много раз.

Из всех громадных задач, которые стояли перед второй экспедицией в целом, Беринг для себя лично выбрал только одну, которую считал, по-видимому, основной, главной. Так как решение вопроса о существовании пролива между Ледовитым океаном и Тихим поручалось теперь лейтенанту Ласиниусу, Беринг, оставил за собой только один вопрос: далеко ли от Камчатки до Америки. Он решил довершить то, что не довершил таким тревожным для него летом 1729 года, — плыть от Камчатки прямо на восток до тех пор, пока он не упрётся в американские берега.

Кроме Шпанберга и Чирикова, Беринг получил себе в помощники трёх опытных морских офицеров — англичанина Вальтона, шведа Свена Вакселя и русского Софрона Хитрова, Академия наук послала с Берингом двух своих учёных — естествоиспытателя Иоганна Гмелина и профессора истории и географии Герарда Миллера. Зарисовывать новооткрытые земли должен был специально для этого приглашённый художник Плениснер.

По просьбе Беринга и по поручению Академии наук астроном Делиль составил карту северной части Тихого океана. На эту карту он нанёс все те географические данные, которые установил Беринг во время первой своей экспедиции, а также всё то немного и сомнительное, что ему удалось найти на прежних картах, составленных в Европе. Японские острова он наметил приблизительно, потому что точных сведений о них у европейцев не было. Голландские купцы изредка посещали японский порт Нагасаки, но ничего, кроме этого порта, в Японии не знали. Берега Америки севернее Калифорнии Делиль не нанёс на свою карту, вовсе, потому что о них никто ничего не знал.

Американских берегов на карте Делиля не было, но зато на юго-восток от Камчатки и на северо-восток от Японии была обозначена Земля Гамы. Испанский мореплаватель Гама в начале семнадцатого века утверждал, вернувшись из плавания, что в этих местах он видел землю. С тех пор, вот уже сто лет, Земля Гамы обозначалась на всех европейских географических картах. После Гамы никто её больше не видел, и картографы просто срисовывали её один у другого. Так же поступил и Делиль. На его карте она оказалась в соблазнительной близости от русской Камчатки. И, естественно, Беринг получил приказание — во время своего предстоящего нового плавания к берегам Америки отклоняться несколько к югу и разведать Землю Гамы.

В феврале 1733 года участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. На этот раз обоз их был гораздо больше, чем прежде, потому что предполагалось построить на Тихом океане не один корабль, а целый ряд кораблей. Грузы везли на санях до Твери, здесь перегрузили их на баржи и сплавили по Волге в Казань. Из Казани тащили их в Тобольск на подводах. Тут экспедиция зазимовала.

Весной 1734 года Беринг поскакал вперёд, а Чириков и Шпанберг повезли грузы по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангаре и Илимю. Зимой добрались до Усть-Кута на Лене. Здесь стали строить лодки, грузить и, когда сошёл лёд, сплавлять их по Лене к Якутску. Грузов на этот раз было очень много, и, чтобы справиться с ними, приходилось насильно сгонять на работы местное население — сибирских крестьян, якутов, ссыльных. Работы были так тяжелы, что люди, особенно ссыльные, стали толпами убегать. Как написано в донесении Беринга сенату, для предотвращения побегов были поставлены «крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые 20 вёрст виселица». Надо полагать, это было изобретение Шпанберга. По словам одного участника экспедиции, «виселицы произвели прекрасное действие, так как с этого времени убежало уже весьма немного людей».

Летом 1735 года грузы прибыли по Лене в Якутск. Беринг давно уже их здесь дожидался.

7. В ЯКУТСКЕ

Беринг провёл в Якутске три года — с 1734 по 1737-й. Шпанберга он отправил в Охотск — строить новые корабли и чинить старые. Самым трудным делом была переправка громадных грузов экспедиции по бездорожью из Якутска в Охотск, и Беринг поручил его Чирикову. А сам остался в Якутске.

Трудно пересказать, сколько разных клевет обрушилось на него за это. Его обвиняли в том, что он нарочно оттягивает начало своего плаванья. В Петербурге его медлительность вызывала всё растущее раздражение. Из сената и из адмиралтейств-коллегии Беринг получал всё новые и всё более грозные предписания ускорить дело. В медлительности, в намеренной бездеятельности нередко упрекают Беринга и позднейшие исследователи. А между тем все эти упрёки совершенно неосновательны. Никогда ещё Беринг не был так деятелен, как во время своей трёхлетней жизни в Якутске, и никогда ещё у него не было так много необходимейшего дела. Для распоряжения четырьмя группами исследователей, двигавшихся вдоль громадного сибирского побережья Ледовитого океана, для общего руководства строительством кораблей и гаваней на Оби, на Енисее, на Лене, на Охотском море, на Камчатке, для управления движением огромных грузов и множества людей через всю Сибирь ему нужен был штаб, командный пункт, и он основал свой командный пункт в Якутске. И, несомненно, он поступил разумнейшим образом, потому что более удобного места для координации такого множества дел, разбросанных по такому колоссальному пространству, найти было невозможно. Через Якутск шли все грузы и все партии людей, которые следовали к Охотскому морю, и на Камчатку, и вниз по Лене к двум группам, одна из которых исследовала побережье между Леной и Енисеем, а другая — между Леной и входом в Тихий океан. И проделать всю эту грандиозную подготовительную работу быстрее, чем её проделал Беринг, — при тех пространствах и тех средствах сообщения — было невозможно.

Тем не менее из Петербурга без конца приходили всё новые и всё более грозные требования ускорить дело. Шли годы, тратились деньги, а результатов пока никаких! В ответ Беринг посылал донесения и письма, в которых подробно объяснял неизбежность и разумность своих поступков. Он не оправдывался, он охотно допускал, что на его месте другой, более способный человек делал бы всё быстрее и добился бы больших успехов, хотя

теперь, когда мы беспристрастно рассматриваем его деятельность, нам кажется крайне сомнительным, чтобы кто-нибудь другой в тех условиях мог добиться чего-нибудь быстрее. Во всех письмах Беринга повторялась одна и та же мольба: освободить его от порученного ему Петром дела и позволить вернуться домой. Он доказывал, что слаб здоровьем и стар годами — ему было уже далеко за пятьдесят.

Беринг не знал, что в этом его стремлении освободиться от экспедиции ему очень помогает Шпанберг. Шпанбергу хотелось самому стать начальником экспедиции, и он усердно подкапывался под Беринга. Он писал в сенат и в адмиралтейств-коллегию, что Беринг ничего не делает, сидит безвыходно в Якутске, в тёплой избе, и что если есть в экспедиции хоть один человек, который трудится над выполнением Петрова приказа, так это только он, Шпанберг.

Летом 1737 года экспедиция дала первый результат — лейтенант Дмитрий Овцын на судне «Обь — почтальон» вышел из устья Оби, прошёл по Ледовитому океану и вошёл в устье Енисея, нанеся на карту берега. Донесение об этом успехе привело Беринга в восторг. Никогда ещё ему не был так нужен успех, как сейчас. Он немедленно отправил Овцыну радостное письмо, в котором поздравлял его и благодарил. В этом письме нет ни одной начальственной ноты — всё оно полно дружбы и уважения. Ни в одном документе мягкость, доброта и скромность Беринга не отразились так отчётливо, как в этом письме.

«Весьма радуюся, — писал он Овцыну, — о таком благополучном и ещё до сего необретенном, ныне же счастливо вами сысканном новом пути, причём и вас о том вашем благополучии поздравляю. И прошу, дабы я и впредь приятным вашим уведомлением, оставлен не был, чего охотно слышать желаю».

Но Овцыну не суждено было получить это письмо. С ним случилось несчастье.

Зиму с 1736 на 1737 год, готовясь к своему плаванью, Овцын провёл в Берёзове — маленьком городишке на Оби. Это был тот самый Берёзов, в который князя Долгорукие сослали Меншикова, когда власть перешла в руки старинной знати. Меншиков жил в Берёзове со всей семьёй, в том числе и с дочерью Машей, которая была первой невестой малолетнего императора Петра Второго. Там, в Берёзове, Меншиков и умер. Через несколько лет императрица Анна Иоанновна, разорвав условия, навязанные ей знатью, сослала в тот же Берёзов всю семью Долгоруких, в том числе и Катю Долгорукую, вторую невесту Петра Второго. Попав в Берёзов, лейтенант Овцын

познакомился с Долгорукими и подружился с княжной Катериной Алексеевной. Долгорукие жили в ссылке трудно, местные чиновники, желая выслужиться, притесняли их. Однажды некий канцелярист Тишин сказал княжне Кате грубость, и Овцын избил его.

Последствия этого рыцарственного поступка сказались не сразу. Летом 1737 года Овцын на своём корабле вышел из Оби в Ледовитый океан и, пробившись через тяжёлые льды, вошёл в устье Енисея. А тем временем побитый канцелярист Тишин отомстил ему. Он отправил в Петербург донос, в котором обвинял Овцына в дружбе с сосланными государственными преступниками и похвалялся своей бдительностью. И когда Овцын с Енисея добрался до Тобольска, его схватили, долго допрашивали в Тайной канцелярии, признали виновным, разжаловали в матросы и отправили под конвоем к Берингу.

Это несчастное происшествие не только перечеркнуло в глазах начальства все заслуги Овцына, впервые проложившего морской путь между Обью и Енисеем, но легло дополнительной тенью на всю экспедицию Беринга. Упрёки в медлительности, которые Беринг получал из Петербурга, превратились в грубые окрики и угрозы. Мало того, Берингу вдвое уменьшили жалованье, что, безусловно, было для него большим лишением.

К довершению всего, действия остальных групп, кроме овцынской, исследовавших побережье Ледовитого океана, были поначалу крайне неудачны. Лейтенант Прончищев, пливший из устья Лены на запад, был затёрт льдами, не вынес тяжёлой зимовки, заболел и осенью 1736 года умер. Его спутники с величайшими трудностями вернулись в Якутск, потратив на возвращение больше года. Ещё трагичнее окончилась попытка лейтенанта Ласиниуса совершить плавание на восток от устья Лены. Вскоре после выхода из Лены в океан он тоже был затёрт льдами и вынужден остановиться на зимовку. Во время зимовки умер от цинги и сам Ласиниус и 35 человек его команды. Из всей его группы только восьмерым удалось остаться в живых. Они пешком добрались до Якутска и доложили Берингу о случившемся несчастье.

Обе эти неудачи были тяжёлым ударом для Беринга, особенно вторая, потому что именно погибшему Ласиниусу было поручено найти проход из Ледовитого океана в Тихий. Обе группы нужно было организовывать вновь, а это прежде всего потребовало согласований с Петербургом. На согласования ушло два года. Беринг подобрал для обеих групп новых руководителей: двух лейтенантов, двоюродных братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых. Харитон Лаптев должен был плыть из устья Лены на

запад, к Енисею, а Дмитрий — на восток, по пути, который не удалось одолеть Ласиниусу. Выбор Беринга был удачен, оба Лаптевы оказались на высоте поставленных перед ними задач, но результатов добились они не скоро, много позже.

В конце лета 1737 года Беринг переехал из Якутска в Охотск, хотя ещё не все грузы были туда доставлены. В Охотске уже были построены Шпанбергом два корабля: «Архангел Михаил» и «Надежда». Кроме того, Шпанберг отремонтировал старый Берингов корабль «Гавриил». Но приближались осенние бури, и плавание пришлось отложить.

8. РУССКИЕ В ЯПОНИИ

К этому времени Беринг был произведён в следующий чин: он стал капитан-командором. Как мы знаем, на это повышение в чине он безуспешно претендовал ещё двадцать лет назад. Чирикова и Шпанберга тоже повысили в чинах: они стали капитанами флота.

Жестокий, грубый, невежественный и всеми ненавидимый Шпанберг был тем не менее одним из самых деятельных членов экспедиции. Наладить строительство кораблей в условиях Охотска было делом необычайно трудным, лежало оно прежде всего на Шпанберге, и Шпанберг хорошо с ним справлялся. К 1738 году три корабля были готовы и три строились, причём, два из строившихся были значительно больше всех остальных. Именно эти два больших корабля Беринг предназначал для своего плавания в Америку.

Беда заключалась только в том, что как раз эти большие корабли совсем ещё не были готовы. А тут сенат прислал новую, полную угроз, бумагу с требованием немедленно выходить в море. Что было делать?

Шпанберг предложил: поскольку корабли, предназначенные для плавания в Америку, не готовы, совершить на уже готовых кораблях плавание в таинственную Японию. Пусть капитан-командор Беринг сидит в Охотске и следит за постройкой больших кораблей, а он, капитан Шпанберг, тем временем отправится в Японию и вернётся.

Беринг согласился, и Шпанберг стал готовить корабли к выходу в море.

Япония тогда была почти неведомой страной, хотя португальцы и испанцы появились в ней ещё в середине шестнадцатого века. Впрочем, знаком, им был только самый южный остров Японского архипелага — Кюсю, ни на какие другие свои острова японцы, их не пускали. Несколько позже на острове Кюсю появились и голландцы. В середине семнадцатого века японцы, возмущённые кознями понаехавших на остров Кюсю иезуитов, изгнали португальцев и испанцев из страны, к великой радости голландцев. Япония объявила себя «закрытой страной» — ни одному иностранному кораблю отныне не разрешалось приближаться к японским берегам. Но торговля с Европой была Японии жизненно необходима, и поэтому для голландских кораблей было сделано исключение. Однако и им разрешили посещать только одну гавань Нагасаки всё на том же острове Кюсю. Голландцы, дорожа своим монопольным положением,

безропотно подчинились этому правилу и не пытались нарушать его. Таким образом, и они знали о Японии очень мало, да и то немного, что знали, держали в строжайшем секрете.

Таким образом, Япония оставалась для европейцев, в том числе и для русских, почти неведомой страной. Никто не знал ни числа японских островов, ни их географического положения, ни их размеров. Японцы при своих редких встречах с европейцами намеренно скрывали все сведения о своей стране и крайне преувеличивали пространство, занимаемое их островами. А между тем все эти сведения вдруг стали чрезвычайно важны для России, потому что Россия, достигнув берегов Тихого океана, оказалась ближайшим соседом Японии.

18 июня 1738 года из Охотска вышли три корабля. «Архангелом Михаилом» командовал сам Шпанберг, «Надеждой» — лейтенант Вальтон, «Гавриилом» — лейтенант Шельтинг. На «Михаиле» было 63 человека, на «Надежде» и «Гаврииле» — по 44. Шпанберг повёл свои корабли прежде всего в Большерецк на восточном побережье Камчатки. 15 июля корабли вышли из Большерецка и направились к югу от Камчатки, вдоль Курильской гряды островов. Расстояния между Камчаткой и Японией Шпанберг не знал и представлял его себе гораздо меньшим, чем оно было в действительности. Русским были известны только самые северные из Курильских островов, и Шпанберга удивило, что гряда тянется так далеко. Остров сменялся островом, а Японии всё не было. Шпанберг заносил каждый остров на карту, — он по праву должен считаться первым исследователем Курильских островов. Он прошёл всю Курильскую гряду почти до конца, и, если бы он продвинулся ещё немного, он в то же лето был бы уже в Японии. Но, отправляясь в путь, — он совершил ошибку — захватил с собой мало провизии, так как полагал, что Япония близко, — и теперь стал беспокоиться, что если плаванье затянется, на кораблях начнётся голод. Уже 3 августа он отдал приказ поворачивать и возвращаться на Камчатку. Вальтон попробовал с ним спорить и настаивал на необходимости плыть дальше к югу. Но Шпанберг был непоколебим.

Зимовал Шпанберг на Камчатке, в Большерецке. Он, конечно, отлично понимал, что, так как он не достиг Японии, в Петербурге сочтут, что задачи своей он не выполнил. По сообщениям из Охотска он знал, что строительство больших кораблей движется медленно, и догадывался, что и будущим летом плаванье в Америку не состоится. Всё это, несомненно, вызовет гнев петербургского начальства и приведёт к самым тяжёлым последствиям для людей, возглавляющих экспедицию. Оставалось только одно — летом 1739 года снова отправиться к югу и уж на

этот раз достигнуть Японии.

В 1739 году флотилия Шпанберга вышла из Большерецка-на-Камчатке очень рано — 21 мая. Как и в прошлом году, она шла к югу вдоль Курильских островов. Вальтон, помня, как прошлым летом Шпанберг внезапно повернул назад, не дойдя до Японии, опасался, как бы это не повторилось и теперь. Сам он решил дойти до Японии во что бы то ни стало. И 14 июня он умышленно увёл свою «Надежду» в сторону от заданного курса и отделился от других кораблей, чтобы никто ничего не мог ему приказывать.

16 июня Шпанберг увидел берега Японии — северо-восточное побережье острова Хондо, самого большого из японских островов. Высадиться Шпанберг не решился, потому что навстречу его кораблям вышло больше тридцати мелких японских судов, и русские не были уверены в их дружелюбии. Шпанберг повёл корабли вдоль побережья к югу. Японские суда следовали за ним, не отставая. Только 22 июня Шпанберг отважился стать на якорь. Японские суда окружили его. Настала ночь, но на берегу было беспокойно: то там, то здесь вспыхивали сторожевые огни. Когда рассвело, экипажи кораблей, привыкшие к скудной природе Охотска и Камчатки, привыкшие к безлюдью тогдашних русских побережий, были поражены пышной растительностью, богатством и многолюдством селений.

К кораблям устремились японские лодки с товарами. Японцы продавали рис, табак, солёные огурцы, редьку, рыбу. Они отдавали свои товары за сукна и стеклянный бисер. Бумажных же и шёлковых материй, зеркал, ножей, ножниц не брали, потому что всё это было и в Японии. Торгуя, японцы были учтивы и честны. Шпанберг заметил, что доски, из которых сделаны их лодки, сбиты медными гвоздями, и только якоря у них железные. Из этого он заключил, что в Японии мало железа.

В середине дня корабль Шпанберга посетили четыре важных японских чиновника. Они были учтивы до крайности, кланялись очень низко. Шпанберг старался принять их как можно лучше, угостил вином. Так как японцы совсем не знали по-русски, а Шпанберг по-японски, то они никак не могли понять друг друга. Объясниться им удалось только тогда, когда Шпанберг развернул перед ними карту мира. Японцы сразу показали на карте и Японию и Россию. Они знаками объясняли Шпанбергу, что русским кораблям находиться здесь нельзя и что он должен уйти от японских берегов. Корабль они осматривали очень внимательно и, как показалось Шпанбергу, были довольны, что на «Архангеле Михаиле» не было пушек.

Прощаясь со своими гостями на палубе, Шпанберг увидел, что корабли его окружены множеством небольших японских судов

и лодок — он насчитал их не меньше, восьмидесяти. По его подсчётам на этих судёнышках находилось 900 человек. Хотя люди эти вели себя очень миролюбиво, Шпанберг опасался внезапного нападения, понимая, что он не в силах будет его отразить. И он поспешил поднять якоря и уйти.

14 августа Шпанберг вернулся на Камчатку, в Большерецк, а оттуда через неделю отправился в Охотск. За время его плаванья у него на корабле умерло 13 человек — вероятно, от цинги.

Путешествие Вальтона было интереснее и плодотворнее, потому что его штурману Казимерову удалось побывать на берегу. Как уже говорилось, 14 июня Вальтон умышленно покинул Шпанберга. Через два дня, 16 июня, одновременно со Шпанбергом, он увидел берега Японии — тот же остров Хондо. Но подошёл он к нему южнее, чем Шпанберг, и поплыл вдоль берегов к югу. Дня через два он заметил на берегу большой город. Он остановился, но на довольно значительном расстоянии от города, так как подойти близко опасался. 19 июня к «Надежде» подошло японское судно, на котором находилось 18 человек. Вальтон позволил японцам подняться на борт и принял их как мог любезнее. Он старался узнать у них, может ли он высадиться на берег, но, они либо не понимали его, либо делали вид, что не понимают. А между тем на «Надежде» уже не хватало пресной воды и съездить за водой было необходимо. Вальтон решил рискнуть — он послал за водой на боте штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашенина и шесть человек солдат. Когда бот подходил к берегу его окружило множество японских лодок — числом более ста. Они шли так близко от бота, что гребцы задевали их вёслами. На берегу собралась толпа, настроенная приветливо и дружелюбно — приближающемуся боту кланялись с берега. Едва бот пристал к берегу, японцы схватили бочки, наполнили их пресной водой и принесли назад.

Оставив двух солдат караулить бот, Казимеров с прочими пошёл погулять по городку. В одном доме их угостили вином из фарфоровых чашек и закусками — яблоками, померанцами, редькой в сахаре. В другом доме тоже дали вина и накормили варёным рисом. Казимеров отдаривал хозяев цветным бисером для бус. «Ходил я по слободе, в которой дворов например около полуторы тысячи, — писал Казимеров в донесении. — Строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки с товарами, в которых видел я пестреди бумажные и шёлковые, а иного вскорости рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц. А

хлеба, по-видимому, кроме рису и гороху у них нет; из овощей имеют виноград, померанцы, шепталу и редис».

Когда Казимеров возвращался на корабль, туда же в небольшой лодке отправился какой-то высокопоставленный японец в роскошном шёлковом платье, с саблей на боку. Он привёз Вальтону в подарок кувшин с вином. Вальтон угостил его водкой, которую японец выпил охотно и умело. Разговаривали они только жестами, но Вальтон отлично понял, что японский офицер требует от него, чтобы он ушёл от японских берегов. «Надежда» со всех сторон была окружена множеством небольших японских судов, в которых сидели вооружённые люди. Вальтон понял намёк, и «Надежда» вышла в открытое море. 22 августа 1739 года Вальтон вернулся в Охотск.

Ещё одну зиму участники экспедиции провели в Охотске. Отношения между ними были дурные — теперь не только Шпанберг, но и Чириков ссорился с Берингом. Все трое жаловались друг на друга в Петербург и все трое просились в отставку. Большие корабли получили уже названия — один называли «Петром», другой — «Павлом». Но оба они не были ещё достроены. Не были они готовы и к маю следующего, 1740 года, когда из адмиралтейств-коллегии пришла к Берингу такая бумага:

«Из полученных Коллегиею рапортов усмотрено только одно, что леса заготавливаются и суда строятся и паруса шьются. А к которому времени будут готовы и в надлежащий путь отправятся, о том не показано. Из чего Коллегия иначе рассуждать не может, что оное чинится чрез не малое время от неприлежного старания к скорому по инструкции исполнению, потому что лесам давно надлежало быть приготовленным и судам построенным и парусам сшитым, а не так, как в оном рапорте объявлено: для парусов тех и для такелажа строятся избы. И оное за основательный резон весьма почитать не надлежит; и для того накрепчайше подтверждается: суда, ежели паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достраивать и подлежащее всё исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия переписками и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, чрез всю его тамо бытность указами накрепчайше подтверждено, и в такое не малое время весьма исправиться без всяких представлений уповательно

После такой бумаги Берингу стало ясно, что медлить больше нельзя и что всякое промедление навлечёт на него беду. Он стал проявлять торопливость, совершенно несвойственную его предусмотрительному характеру.

Тут случилось примечательное событие. В Охотск прибыл из Петербурга новый человек, которому суждена была в экспедиции Беринга особая и важная роль. Человека этого звали Георг Штеллер.

9. ЧЕЛОВЕК С ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ

Георг Штеллер родился в 1709 году в Германии, в той части Баварии, которая называется Франконией. Это был рыжий немец с оттопыренными ушами, небольшой, коренастый, крепкий, несокрушимого здоровья. Подвижной, любознательный, самоуверенный, он обладал несносным, сварливым характером и особым талантом затевать ссоры со всеми, кого встречал на пути.

Он был сыном мастера сапожного цеха. Ещё в детстве проявил он замечательные способности к наукам. В школе он был лучший ученик. Когда профессора университета и советники городского магистрата приезжали в школу, он единственный мог обратиться к ним с приветственной речью по-латыни. Математику он знал лучше своих преподавателей. Он был великий мастер в черчении географических карт. Но наибольшие успехи он оказывал в естественных науках. Двенадцатилетним мальчиком он уже помогал своему учителю составлять атлас бабочек юго-западной Германии. Этот атлас впоследствии был напечатан в университетской типографии. Потом он пристрастился к собиранию птичьих чучел, и граф, владелец соседнего замка, однажды приказал его высечь за незаконную охоту в графском лесу.

Но настоящей страстью Штеллера была ботаника. Из года в год каждое лето он собирал цветы и травы, засушивал их, наклеивал на большие листы белой бумаги и подписывал латинские названия. Эту коллекцию растений он пожертвовал в университет.

Окончив школу и сделавшись студентом, Штеллер продолжал усиленно заниматься. Профессора пророчили ему большую будущность. Но характер его становился всё необузданнее. Он умудрялся ссориться даже с самыми расположенными к нему людьми. Каждый вечер в трактире он устраивал побоища. Приземистый, курносый, плечистый с длинными узловатыми руками, наделённый необыкновенной силой, он стал грозой университета. Он был до невозможности обидчив и подозрителен. Ему постоянно казалось, что все строят против него козни, что все подсмеиваются над его некрасивым лицом, над его оттопыренными ушами. Порой самое невинное слово выводило его из себя. На воображаемые насмешки он отвечал побоями, на воображаемые козни — кознями. Кончилось тем, что его исключили из университета.

Это был непоправимый удар для всей семьи. Отец Штеллера мечтал, что его Георг станет учёным и выйдет в люди. И вот мечты эти рухнули. Георг остался недоучившимся студентом. Обучать его сапожному ремеслу было уже поздно.

Жизнь Штеллера сделалась мрачной и тягостной. Друзей у него не было, все его сторонились. Человек подвижной и энергичный, он не мог оставаться без дела.

И он решил поехать в Россию.

В восемнадцатом веке энергичным, предприимчивым людям Западной Европы, не находившим применения у себя дома, Россия представлялась страной, где можно добиться необыкновенной удачи. До них постоянно доходили слухи о немецких, голландских, датских солдатах, ремесленниках, учителях, которые в России становились полководцами или академиками. Всякого рода знания и умения ценились в петровской и послепетровской России гораздо выше, чем на Западе. На это и рассчитывал Штеллер.

Кроме того, Россия влекла его к себе просто как искренне любознательного человека. Всё в России было не исследовано, неизвестно — и природа и люди. Неизвестно было даже, насколько далеко она простирается на восток... И, взяв у отца на дорогу восемьдесят талеров, двадцатипятилетний Георг Штеллер двинулся в путь.

Он пешком пришёл в Голландию, в большой торговый город Амстердам. Отсюда уходили корабли во все концы света. Штеллер скоро разыскал корабль, отправлявшийся в молодую столицу Московского государства — в Санкт-Петербург. Капитан корабля вёз в Россию сукно для солдатских мундиров и собирался привезти оттуда груз мехов и льна. Штеллер, здоровый и сильный, приглянулся капитану. Он согласился взять его с собой в Россию с условием, что бесплатный пассажир будет работать на корабле наравне с простыми матросами.

Плыли они долго. У берегов Дании их потрепала сильная буря. По пути заходили в Любек, Данциг и Ригу. И в середине августа 1734 года прибыли в устье Невы — через год с небольшим после отъезда Беринга в его вторую экспедицию.

Станный город увидел Штеллер. Петербург существовал уже тридцать лет, но ещё полностью сохранял облик новостройки. На низких болотистых островах росла ольха. На пустырях, в грязи, стояло несколько больших прекрасных зданий, отделённых друг от друга речками, лужами, топью. Рвы, каналы, насыпи пересекали город во всех направлениях. Всюду валились брёвна и серые глыбы гранита. Сосновые сваи торчали из земли, сдерживая рыхлую, готовую расползтись почву. И ни одного моста во всём

городе, ни одной замощённой улицы. Только в тех местах, где дорога пересекала трясину и лошади рисковали провалиться в грязь по брюхо, были набросаны булыжники. Да возле дворцов для пешеходов проложили узкие деревянные мостки. Впрочем, жители Петербурга предпочитали ездить друг к другу на лодках: это было удобнее и безопаснее.

Над городом высились два позолоченных шпиля: с правой стороны Невы — шпиль Петропавловской крепости, с левой — шпиль Адмиралтейства. Адмиралтейский шпиль был ещё не окончен — мастера обивали его листовым железом.

Просторный квадратный двор Адмиралтейства был завален дубовыми брёвнами: там строились громады кораблей. Неподальёку возвышался пышный дворец императрицы — так называемый Летний дворец. За ним был разбит прекрасный парк с гротами, беседками, фонтанами. Его называли Летний сад. А дальше шли жалкие хижины бедняков с крышами из древесной коры.

У реки Фонтанки стоял большой сарай, в котором жил слон, подаренный русской царице персидским шахом. Слона каждый день водил гулять высокий араб — «слоновый мастер». За ним бежала толпа любопытных, главным образом солдат. Мальчишки швыряли в слона камнями из-за забора. А за Фонтанкой начинались леса, в которых прятались разбойники и воры.

Штеллеру часто встречались люди с отрезанными ушами, вырезанным языком, с отрубленным носом, с язвами, выжженными на лбу и на щёках калёным железом. Это были следы пыток.

Необузданное богатство и великолепие уживались тут рядом с потрясающей нищетой и грязью. Вельможи обитали в пышных дворцах, окружённые челядью, разъезжали в золочёных каретах. А из дальних губерний каждый год пригоняли толпы крестьян, чтобы рыть каналы и строить дворцы. Не хватало ни лопат, ни заступов, и они землю носили в подолах, камни ворочали голыми руками, а жили в землянках на болоте. Жалованья им не давали, полагалась только пища, да и ту разворовывали чиновники. Наступали холода, и они мёрзли, мёрли; за городом росли обширные кладбища. Но весной пригоняли новые тысячи, а кладбища, переполненные до краёв, сдавали купцам под огороды: так они и назывались — «огороды на, могилках».

Сойдя с корабля, Штеллер сел в повозку и затрясся по ухабам в Академию наук. Все академики в то время были немцы. Штеллера принял академик Зигфрид Байер. Штеллер рассказал ему, кто он такой, и попросил устроить его на какую-нибудь работу.

— Хорошо, — сказал Байер, — я попробую определить вас домашним врачом к архиерею Феофану.

— Увы, господин академик, — возразил Штеллер, — я не врач, а ботаник. Правда, я изучал немного и медицинские науки, но благодаря проискам всяких подлецов и изменников мне не удалось кончить университет.

— Ничего, обойдётся, — , сказал Байер.

Байер написал архиерею почтительное письмо, в котором рекомендовал ему только что приехавшего из-за границы врача. Штеллер взял письмо и вышел.

Архиерей Новгородский и Ладожский Феофан Прокопович был одним из ближайших сподвижников Петра. Родом украинец, он по праву, считался одним из самых умных и образованных людей своего времени. Крупнейшей церковный вельможа, он интересовался церковью только как одной из форм государственной власти и был, в сущности, равнодушен к религии. Религию свою он в молодости переменял дважды. Молодым человеком он перешёл из православия в католичество и уехал в Рим, где жил и учился при папском дворе. Он в совершенстве изучил древние и новые языки и, главное, овладел основной наукой католицизма — наукой управлять. Через восемь лет он вернулся на Украину, опять перешёл в православие и стал монахом. После полтавской победы Петра над шведами Феофан Прокопович в соборе, в присутствии Петра произнёс проповедь, в которой прославил подвиг русской армии и её вождя. В своей проповеди он страстно, с глубоким пониманием восхвалял петровские реформы, и, естественно, Пётр был восхищён таким проповедником. Он взял его с собой в Петербург и вознёс на высокие церковные степени. Отменив патриаршество, Пётр стремился полностью подчинить церковь себе, государственной власти; для этого ему нужны были способные деятели, на которых можно было бы положиться. Таким деятелем стал Феофан Прокопович. Он жестоко подавлял церковный раскол, который был формой оппозиции петровским преобразованиям, он подчинял духовенство воле правительства и заставил его разъяснить в церквях правительственные взгляды, он писал стихи, в которых прославлял деяния Петра, произносил блестящие проповеди, в которых восхвалял петровские нововведения, объяснял их пользу и призывал на них божье благословение. После смерти Петра он помог Меншикову возвести на престол Екатерину. Во время короткого царствования Петра Второго он не был свергнут, подобно Меншикову, — ему удалось уцелеть, отсидеться. При императрице Анне Иоанновне он снова оказался на прежней высоте.

Феофан жил в самом конце Петербургской стороны, на берегу речки Карповки. Штеллер сел на извозчика и поехал по прямой, как стрела, непролазной от грязи дороге, которая вела на Каменный остров. Вскоре деревянные домишки, окружавшие Петропавловскую крепость, кончились, и по обеим сторонам дороги потянулся хилый болотный лесок. В то время большая часть Петербургской стороны была покрыта лесом.

Извозчик остановился перед скопищем деревянных строений — приземистых церквушек с зелёными куполами, сараев, кладовок, конюшен и кухонь. Посередине стоял одноэтажный, длинный деревянный дом с деревянными колоннами у подъезда — покои его преосвященства. По закоулкам дворов и переходов, между ослепительно белых гусей и курносых поросят беззвучно бродили и беззвучно шептались монахи — длинные, тощие, остробородые, долгополые, в чёрных клобуках.

Георг Штеллер поселился в доме Феофана Прокоповича. Архиерей обошёлся с ним ласково. По-видимому, его прельстила широкая образованность Штеллера: образованные люди в те времена были редки. Феофан хорошо говорил по-немецки, но со Штеллером предпочитал изъясняться по-латыни, так как считал латынь, самым благородным и самым учёным из всех языков.

У Феофана была великолепная библиотека в тридцать тысяч томов на самых различных языках. Штеллер набросился на чтение. Жадный до знаний, он всё схватывал на лету.

Феофан интересовался естественными науками, физикой, географией. Он охотно беседовал со Штеллером о новых открытиях и изобретениях. Был у него в доме большой глобус, и они часто разглядывали его вдвоём. Вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой занимал, и Феофана, и он нередко обсуждал его с молодым немцем. Он отлично был знаком с замыслами Петра, с задачами, поставленными перед экспедициями Беринга, и часто рассказывал о них Штеллеру.

Не забывал Штеллер и своей любимой науки — ботаники. Каждым летом Феофан вместе со своим двором переезжал на дачу в Ораниенбаум. Штеллер уходил в поле, в лес, собирал травы, цветы, мхи. Вечером, он садился за стол и подробно описывал по-латыни все найденные растения. Таким образом составила замечательная книга — первый научный труд о растительности северо-западной России. Впоследствии эта книга была издана, и Штеллер стал основателем русской ботаники.

Вначале он совсем не знал русского языка и поэтому ни с кем не общался, кроме Феофана. Но через год он уже свободно объяснялся по-русски и начал вступать в споры и ссоры с окружающими.

Летом 1736 года Феофан опасно заболел. Штеллер испугался. Если Феофан умрёт, он лишится своего единственного покровителя. Он стал просить Феофана, чтобы тот устроил его на какое-нибудь место.

Феофан дал ему рекомендательное письмо, и Штеллера приняли на службу в Академию наук со званием адъюнкта натуральной истории и отправили на Камчатку под начальство капитан-командора Витуса Беринга.

Осенью умер Феофан, а весной 1737 года Георг Штеллер выехал в Сибирь.

10. ШТЕЛЛЕР ЕДЕТ К БЕРИНГУ

В те времена от Петербурга до Охотского моря нельзя было проехать скорее чем за год. Штеллер этот путь преодолел за гораздо более долгий срок — за три с половиной года.

Самая длинная дорога в мире — через Сибирь — далась ему нелегко. Ехал он один, чин на нём был маленький, и лошадей он доставал с трудом. Шли дни, недели, месяцы, наступили июльские жары, потом дожди, посыпался осенний жёлтый лист, а Штеллер всё скакал и скакал.

Тянулись дремучие леса. Не раз Штеллера будил ночью близкий волчий вой. Лошади шарахались, потом неслись вперёд, дёргая ушами. Он перебирался через высокие горные хребты, переплывал на плотах реки, широкие, как море. Наступила зима, выпал снег. Штеллера пересадили из повозки в сани и повезли дальше. Стужа леденила кровь, выюги наметали сугробы, реки превратились в огромные ледяные поля, а Штеллер по-прежнему видел качающуюся на козлах спину ямщика.

Люди встречались до странности редко. Штеллер порой по неделям не видел ни одной деревушки. Эта необъятная страна была пустыней. Лишь порой он нагонял толпу, пешком бредущую по нескончаемой дороге.

— Гей, берегись!

Люди сторонились и оборачивались. Штеллер видел лица, изуродованные калёным железом, голое тощее тело, торчащее из рваных лохмотьев, руки и ноги, переломанные на дыбе. Это были сосланные после пыток в Сибирь на каторжные работы.

Сосланных сопровождали конные казаки с длинными пиками.

— Милостыню, господин! Милостыню, Христа ради! — кричали каторжники, завидя повозку Штеллера.

Подъезжая к Томску ночью, в сорокаградусный мороз, Штеллер схватил воспаление лёгких. Он не болел никогда в жизни, это была его первая болезнь. Он был в беспамятстве, когда его вытащили из саней, и не приходил в себя в течение многих недель.

Уехать из Томска ему удалось только поздней весной. Опять потянулась бесконечная дорога, ещё более пустынная, чем прежде. Шли месяцы. Новое лето сменилось новой осенью, настала зима, а Штеллер всё скакал и скакал. В январе 1739 года он прибыл в Енисейск. В Енисейске Штеллер встретился с естествоиспытателем Миллером, тоже участником Беринговой экспедиции. Миллер приехал в Енисейск по поручению Беринга для закупки разных материалов, необходимых экспедиции. Он

обрадовался Штеллеру, потому что мог поручить ему сопровождать обоз, отправляемый на Камчатку. Сам Миллер должен был ещё остаться в Енисейске.

С обозом Штеллер поехал ещё медленнее. Немало прошло времени, прежде чем он прибыл в Иркутск. Тут его ждала новая задержка. Иркутское начальство должно было ему выдать денег на дальнейшее путешествие. В казначействе ему заявили, что деньги ещё не присланы из Петербурга и что придётся подождать.

Пять месяцев просидел Штеллер вместе с обозом в Иркутске, не имея ни копейки на обед, питаясь хлебом и квасом. Наконец приехал сильно запоздавший Миллер и сразу понял, в чём дело. Он невзначай, здороваясь с главным казначеем, сунул ему за рукав двадцать рублей, и деньги Штеллеру были немедленно выданы. Миллер сам взялся сопровождать обоз дальше, и Штеллер ускакал вперёд один.

Наступила уже зима, когда он добрался до реки Лены. Лена замёрзла и превратилась в широчайшую снежную дорогу, тянущуюся на несколько тысяч вёрст. Всю зиму Штеллер мчался в саних по Лене и в мае 1740 года прибыл в Якутск. Здесь он не мог задержаться. Ему нужно было попасть в Охотск до осени.

В те времена между Якутском и Охотском существовали только лесные тропинки. Штеллер сел верхом на оленя и в сопровождении проводника-якута тронулся в путь.

Всё лето ехали они по дремучей тайге. Ночами спали по очереди — три часа якут, три часа Штеллер, — потому что боялись нападения медведей. За три месяца только один раз встретили людей, когда набрали на кочевье тунгусов. Утром 20 августа 1740 года с гор увидели море. А вечером въехали в Охотск.

В бухте стояли два только что построенных корабля. Их поспешно грузили. Они готовились к выходу в море.

Приехав, Штеллер явился к Берингу. Они не понравились друг другу сразу. Мало того, они сразу поссорились. Мы не знаем, в чём там было дело, нам известно только, что уже через несколько дней после приезда Штеллер отправил в сенат донесение, в котором писал: «Во всём принят не так, как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат, и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призыван был».

Трудно теперь судить, много ли правды в этом донесении. Скорее всего немного. Мы знаем, что Беринг был демократичен, благожелателен и мягок в своих отношениях с подчинёнными. Когда к нему прислали разжалованного в матросы Овцына, обвиняемого в государственных преступлениях, он не без риска

для себя обошёлся с ним на редкость дружелюбно, и матрос Овцын жил с офицерами и исполнял в экспедиции офицерские обязанности. С какой же стати стал бы Беринг унижать адъютанта Академии наук, которого он видел впервые в жизни? И если между ними при первом же свидании возникла ссора, то естественнее предположить, что виноват в ней был Штеллер. Слишком много у нас есть свидетельств его неуживчивости, нетерпимости и своеволия.

Взаимная неприязнь, возникшая между ними при первом свидании, сохранилась надолго. Впрочем, Беринг был в своей неприязни к Штеллеру очень сдержан, избегал открытой вражды и сносил его совершенно непозволительные выходки с поражающе терпеливостью. Зато Штеллер был нетерпелив и нетерпим. Он оставил нам записки о своём путешествии, в которых страстно, не стесняясь в выражениях, возмущается каждым шагом Беринга, каждым его решением. Надо отдать справедливость и Штеллеру: в его резких суждениях не было почти ничего личного, они продиктованы интересами науки. Всякое пренебрежение к интересам науки он истолковывает как измену, как преступление. В отдельных своих суждениях он часто прав. Не прав он в основном, главном: без Беринга, без его осторожности, мелочной предусмотрительности, практичности, уступчивости, терпеливости ничего из того, что достигла экспедиция, не было бы достигнуто.

Этим двум людям — Берингу и Штеллеру — суждено было стать спутниками в великом трагическом плаванье значительно расширившем наши знания о мире. Но до чего же не сходны были эти два человека!

Беринг был стар и тучен, всякое движение давалось ему с трудом, полная лишений жизнь на краю света была для него тяжела. Штеллер был молод и обладал исключительным здоровьем, в самых тяжких условиях чувствовал себя прекрасно, любые лишения переносил с лёгкостью, не замечая их.

Беринг был человек не слишком образованный, чуждый интересам чистой науки, проявлявший внимание только к тем знаниям и открытиям, которые относились к наиболее близкой ему области — мореплаванию. Штеллер был, безусловно, одним из образованнейших людей своего времени, жадно интересовался вопросами географии, физики, геологии, этнографии, медицины, языкознания, не говоря уже о его основном предмете — ботанике. Не существовало такой длинной дороги, таких тяжёлых испытаний, которые могли бы остановить его, если он надеялся собрать какие-нибудь новые научные сведения.

Беринг был человек государственный, всю жизнь проведший

на службе России, понимавший значение своей деятельности для русского государства. Мало того, он был человеком определённой партии, сторонником сподвижников Петра, он крепко связав с ними свою судьбу, разделял их взгляды и проводил эти взгляды в жизнь. Штеллер, напротив, был представителем тех безродных авантюристов, готовых служить любой стране и любой власти, которыми так богат восемнадцатый век. Только искренняя и самоотверженная преданность науке скрашивала его абсолютную беспринципность.

Беринг был человек долга, на нём всегда тяжким грузом лежало сознание ответственности за порученное дело, за подчинённых ему людей, за государственные средства, которыми он распоряжался. Штеллер чувствовал себя совершенно свободным от каких-либо обязательств, отдался науке только из своей неукротимой любознательности и нисколько не считал зазорным писать доносы на своих товарищей по путешествию. Если с ним в чём-либо не соглашались, он угрожал жаловаться начальству и исполнял свои угрозы; в архивах сохранилось немало его доносов, несправедливых, вызванных минутной вспышкой гнева. Как резко отличаются от них донесения Беринга, который всегда писал о своих сотрудниках только хорошее и старательно подчёркивал их заслуги!

Они были во всём различны, но плаванье в Америку они совершили вместе, и за результаты этого плаванья мы должны быть благодарны им обоим.

11. ШТЕЛЛЕР НА КАМЧАТКЕ

Только 8 сентября «Пётр» и «Павел» вышли, наконец, из Охотска в море. Была уже осень, начинались бури, и Беринг, разумеется, в такое время года не собирался плыть в Америку. Но ему необходимо было покинуть Охотск, чтобы избежать гнева начальства, уже окончательно выведенного из терпения. Он шёл на Камчатку, чтобы будущим летом с Камчатки начать своё плавание. Он пересёк Охотское море и прежде всего зашёл в Большерецк — на западном побережье Камчатки. Там он оставил нескольких человек, в том числе и Штеллера. Сам он собирался на своих кораблях немедленно идти вокруг южной оконечности Камчатки к восточному побережью и там зимовать.

Штеллеру он приказал добираться до него по суше к весне будущего года. Видимо, они оба стремились к разлуке.

На восточном побережье Камчатки Беринг на этот раз привёл свои корабли в Авачинскую бухту — одну из лучших гаваней мира. Ограждённая со всех сторон горами, соединённая узким проливом с Тихим океаном, эта бухта может вместить в своих спокойных глубоких водах целый флот. Беринг слышал о замечательной Авачинской бухте ещё во время первого своего плавания. Весной 1740 года он отправил туда несколько плотников, которые построили на её берегу пять изб, три казармы и три амбара. «Пётр» и «Павел» вошли в Авачинскую бухту 6 октября. С этого дня посёлок на берегу бухты стал называться Петропавловском.

В Петропавловске Беринг провёл зиму. Весной туда перебрался и Штеллер. Недружелюбно принятый офицерами, Штеллер сошёлся с плотниками и казаками. В обществе простых людей ему было легко и весело. Они не задевали его болезненного самолюбия, к начальству относились со скрытой враждебностью, и он чувствовал в них своих единомышленников.

Каждому участнику экспедиции, кроме простых матросов, полагался денщик. Беринг распорядился, чтобы Штеллеру тоже дали денщика. И в избушке Штеллера поселился казак Савва Стародубцев, который чистил ему сапоги и варил обед.

Штеллер подружился со своим денщиком. Савва был рослый, степенный бородатый мужик. По натуре домосед, он не понимал зачем это людям надо ездить на край света, когда можно сидеть у себя в деревне.

— Такая наша казачья жизнь, — жаловался он Штеллеру. — Нас всегда куда-нибудь гонят.

Он чудесно знал природу Сибири. Услышав в лесу птичий

свист, он мог сказать, какая это птица, где она живёт, чем питается, как на неё надо охотиться. Ему были известны все звериные повадки, все деревья и травы. Он дал Штеллеру множество ценных сведений, которых усердный ботаник нигде не мог раздобыть, — когда цветут какие цветы, когда поспевают какие ягоды.

Подружился Штеллер и с живописцем Плениснером, прикомандированным к экспедиции, чтобы зарисовывать достопримечательности всех неведомых стран, которые посетят путешественники. Плениснер рисовал не слишком хорошо, но зато был страстный охотник. Он завёл на Камчатке свору собак и травил зайцев, стрелял белок, уток, соболей, песцов, ходил даже на медведя.

Штеллер сопровождал Плениснера на охоте, изучал местность и однажды взобрался с ним на вершину Авачинского вулкана, одного из самых крупных на Камчатке. Стоя у края дымящегося кратера, он рассуждал о причинах землетрясений. Скромный Плениснер слушал и молчал.

Иногда они вдвоём заходили в селения камчадалов — нищих уроженцев Камчатки, разорённых налогами, которые взымали с них русские чиновники. Там Штеллер записывал камчадалские слова, покупал наконечники стрел, одежду, утварь. Изучение малоизвестных народов интересовало его так же, как изучение растений.

Первое время Штеллер дружил с корабельным мастером Софроном Хитровым. В экспедиции трое русских своими знаниями морского дела снискали себе особое уважение иностранцев — помощник Беринга Чириков, штурман Елагин и корабельный мастер Софрон Хитров. Но Штеллер имел какой-то особый талант к ссорам — скоро он поссорился и с Хитровым.

«Пётр» и «Павел», двухмачтовые, пузатые, поднимающие по шести тысяч пудов каждый, казались не слишком быстроходными, но были прочны и устойчивы. Между ними поделили двадцать восемь небольших пушек, привезённых из Иркутска. Нагружены они были солониной, морскими сухарями, мукой, крупой, дровами и бочонками с пресной водой.

В конце мая Беринг созвал совет для того, чтобы распределить своих подчинённых по кораблям. Решено было, что на «Петре», которым должен был командовать сам Беринг, пойдут лейтенант Ваксель, мастер Софрон Хитров, старый бывалый штурман Эзельберг, художник Плениснер и Овцын. Туда же попал и Штеллер. Беринг предполагал, что обитатели Америки говорят на том же языке, что и камчатские коряки, и взял с собой в качестве переводчика коряка по имени Пячка.

Командиром «Павла» был назначен Чириков. Под начальство ему дали лейтенанта Чихачёва, корабельного мастера Абрама Дементьева и штурмана Елагина. Всего на «Петре» отправлялось в плавание 77 человек, а на «Павле» — 75.

Любопытно отметить, что в составе команды «Петра» был двенадцатилетний мальчик Лоренц Ваксель, сын лейтенанта Свена Вакселя, взятый отцом в плавание, чтобы он с детства приобвык к морскому делу.

4 июня 1741 года оба корабля вышли из гавани Петропавловска в открытое море. Ветер дул попутный, вулканы Камчатки быстро таяли вдали.

12. АМЕРИКА

Плыли сначала на юго-восток, потому что надеялись достигнуть обозначенной на карте Земли Гамы. Первые два дня впереди шёл «Пётр», позади «Павел». 6 июня Беринг приказал перестроиться: он велел «Павлу» идти впереди, а сам пошёл за ним. Спутники Беринга объяснили себе это тем, что он больше доверял мореходному искусству Чирикова, чем своему собственному.

12 июня они находились уже там, где на карте была обозначена Земля Гамы. Но вокруг простирался открытый океан, и стало ясно, что Земли Гамы не существует. Вот что написал об этом в своих записках штурман «Петра» Свен Ваксель:

«Отсюда ясно видно, что упомянутая карта была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через Землю Хуана де Гамы. Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии Земли де Гамы: в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если уж им так хочется пофантазировать или порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами. Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его, потому что кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем».

Неправильно взятый курс был первой неудачей экспедиции. Он заставил мореплавателей потерять много драгоценного времени.

Беринг приказал идти прямо на восток, к Америке. Ветер дул довольно слабый, но попутный. Море было спокойно. Впереди шёл «Павел», вслед за ним «Пётр». Оба корабля держались так близко друг к другу, что между ними порой можно было

перекрикиваться.

19 июня на море спустился туман. Он был густой, как вата, и совершенно скрыл море. Люди на палубе узнавали друг друга, только когда сталкивались вплотную. Паруса, мачты, доски покрылись сыростью. Моряки были так мокры, будто их вымочил проливной дождь. Но пришла ночь, подул свежий ветер и разогнал туман.

Рано утром Штеллер вышел на палубу, оглядел горизонт и закричал:

— Где «Павел»?

Беринг и Хитров уже искали в подзорные трубы исчезнувшее судно. Море было совершенно пустынно.

«Павел» пропал бесследно. Всюду, куда ни взглянешь, видны были одни только белые гребни волн.

Беринг решил пальбой из пушек подать сигнал Чирикову. Загремела канонада. Все четырнадцать пушек стреляли залпами, и, сидя в каюте, можно было подумать, что «Пётр» участвует в морском сражении. На корабле напрягали слух, стараясь услышать ответные выстрелы. Но ответов «Павла» не было слышно.

Беринг переходил с галса на галс, пытаясь оглядеть возможно большее пространство моря. Но «Павла» не нашёл.

И «Пётр» один поплыл дальше на восток.

Миновало ещё три недели, а ни «Павла», ни берега не было видно. Их окружал океан, которому, казалось, никогда не будет конца. Пресной воды становилось всё меньше, и Беринг начал тревожиться. Только 16 июля, после полуторамесячного плаванья, увидели вдали очертания высокой горы. Матрос, заметивший её с мачты, скатился на палубу, крича:

— Земля!

Все кинулись наверх. Офицеры вырывали подзорные трубы друг у друга из рук. Гора была ясно видна вдали. Её вершина, покрытая снегом, сверкала на солнце, как драгоценный камень. Это случилось в Ильин день, и потому решено было назвать гору «горой Ильи». Так эта гора — одна из высочайших вершин Северной Америки — называется и сейчас.

17-го увидели ровный берег, заросший густым лесом.

Америка!

Какие чудеса ждут их в этих дебрях! Сколько неведомого откроют они здесь! Решительно все — от Штеллера и Хитрова до последнего матроса — чувствовали, что совершили большой подвиг, и с гордостью жали друг другу руки. Все наперебой поздравляли капитан-командора с успехом его предприятия.

Но Беринг, казалось, не радовался своему открытию. Он ясно

сознавал ожидающие путешественников трудности и тревожился. Когда Штеллер и Плениснер зашли к нему в каюту, он им сказал:

— Мы не знаем, где мы, как далеко от дома и что нас вообще ожидает впереди. Может быть, нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам незнакомая, а для зимовки не хватит провианта.

«Пётр» медленно плыл вдоль берега. Утром 20 июля заметили бухту, вошли в неё и бросили якорь.

Штеллер тотчас же оделся, чтобы ехать на берег. Но на палубе его встретил Ваксель и сказал:

— Капитан-командор запретил кому бы то ни было съезжать с корабля. Один только Хитров поедет после обеда поискать пресной воды.

— Этого не может быть! — закричал Штеллер. — Ведь должен же я побывать в Америке!

— Поговорите с ним сами, — ответил Ваксель.

Беринг находился тут же на палубе. Штеллер подскочил к нему, уже заранее разъярённый.

— Я запрещаю вам ехать на берег, — сказал Беринг. — Я отвечаю за жизнь вверенных мне людей и не хочу, чтобы вас убили дикари. Мы добрались до Америки и отметили её на карте. Это всё, что мне было поручено. Теперь нам остаётся только вернуться домой.

Штеллер спорил упорно, долго, горячась. Какая нелепость, бессмыслица — потратить столько лет, столько усилий, проплыть из Азии в Америку, совершить такое открытие — и не высадиться на берег!

— Я поеду один, — говорил Штеллер. — Мне не надо никакой охраны!

И, отвязав канат, он стал спускать на воду маленькую лёгкую шлюпку.

— Савва, едем со мной, — приказал он своему денщику.

Беринг его не остановил. Спустясь по трапу вниз, он встретил Овцына и сказал:

— Возьмите в оркестре две трубы и положите их в шлюпку. Пусть, сойдя на берег, они трубят. Тогда я по крайней мере буду знать, где они находятся.

13. ДВОЕ В НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

О запрещении посетить американский берег и о своём столкновении с Берингом Штеллер в своих записках рассказал так: «Но едва я усмотрел, что со мною столь непорядочно поступлено и что ласковыми словами ничего учинить не мог, я употребил уже жестокие слова ему, капитану-командору Берингу, по правде говорить и публично засвидетельствовать, что я высокоправительствующему сенату на него, капитана-командора, буду протестовать, чему он был достоин; он ничего не учинил, как только то, что с великим негодованием и вредительными словами меня с судна спустил, не учиня никакого вспоможения, с одним команды моей служивым, к великой беде и смерти подвергнул; но как жестокими поступками и страхом ничего сделать не мог, претворивши всё в дружбу, приказал: как я на берег выеду, в трубы трубить...»

В этих спутанных, бешеных, вряд ли справедливых словах отразилась вся острота отношений, сложившихся на Беринговом корабле. Из этой записи видно, до какой степени раздражало Штеллера, обладавшего любознательностью подлинного учёного, равнодушие Беринга к исследованию, к науке. Он считал Беринга предателем и грозил жаловаться на него, так как ему казалось, что Беринг нисколько не интересуется существом дела и старается выполнить его только формально. Виден из этой записи и характер Беринга с его мягкостью и уступчивостью.

Штеллер спустился в шлюпку и сел к рулю. Савва Стародубцев взялся за вёсла. Шлюпка прыгала на волнах. Усыпанный белым мелким песком берег, всё приближался. Холодное хмурое небо низко висело над лесом. Кедровые ели стояли неподвижно и неприступно.

Под килем закрипел песок, широкая волна выплеснула шлюпку на берег.

Вошли в лес. Валежник, никогда не убираемый, на два аршина покрывал землю. Ноги проваливались по колено в хрустящие сухие ветки. Штеллер зорко оглядывался по сторонам. Его большие руки шарили по густому седому мху и срывали листочки, стебли, цветы. Предавшись своему любимому занятию — собиранию неизвестных растений, — он успокоился и забыл о недавней ссоре с Берингом. Савва медленно шагал за ним, опираясь на длинное ружьё, довольный, что он снова на земле, в лесу, а не среди надоевшего моря. Так они прошли около версты. Савва остановился, вздохнул, снял шапку, вытер рукавом лоб и вдруг закричал:

— Дым! Дым!

Штеллер поднял голову и над вершинами увидел синий дымок, спокойно взлетающий к небу.

— Это, верно, Хитров высадился, — сказал он. — Его послали за водой.

— Нет, — возразил казак. — Хитров поехал вдоль берега направо, а дым от нас по левую руку. Это...

Но Штеллер и сам уже понял, что это за дым. Здесь есть люди. Кто они? Людоеды? Что они сделают с двумя беззащитными чужеземцами?

— Пойдём! — прошептал Штеллер и ринулся вперёд, туда, где над лесом вился дымок.

— Вернёмся, барин, — сказал Савва. — Убьют.

Но Штеллер уже бежал по лесу. Сумка с образцами американских растений хлопала его по боку. Савва неохотно следовал за ним, боясь потерять его из виду.

Внезапно они оба выбежали на узкую лесную тропинку.

— Ага! — закричал Штеллер. — Здесь ходят! Здесь много людей!

Штеллер побежал по тропинке. Но столб дыма вдруг отделился от леса, взлетел в небо и растаял. Штеллер на мгновение остановился, потом снова кинулся вперёд. Под закоптелой сосной лежала груда угольев, только что залитых водой.

— Удрали! — облегчённо вздохнул Савва. — Мы их спугнули. Нас за версту было слышно.

Люди бежали в такой суматохе, что оставили все свои вещи у погашенного костра. Штеллер с любопытством разглядывал странную утварь. Раньше всего он обратил внимание на два больших деревянных корыта. В эти корыта была налита горячая вода, в которой плавали куски оленьего мяса.

— Это кастрюли, — сказал Штеллер.

— Где же это видано, чтобы кастрюли делали из дерева, — усмехнулся Савва. — Если деревянную кастрюлю поставить на огонь, она сгорит.

Но Штеллер с презрением поглядел на него. Он засучил рукав, — засунул руку в корыто и вытащил из воды несколько чёрных от сажи мокрых камней.

— Они сперва накаляют эти камни на костре, — объяснил он Савве, — а потом кладут их в корыто с водой. Вода закипает. Тогда они бросают в корыто мясо. Такой способ варки существует у всех народов, не умеющих делать глиняной посуды.

Тут же Штеллер нашёл и огниво, которым жители Америки разжигали костёр. В те времена европейцы тоже не знали спичек

и для зажигания огня пользовались огнивом. Но европейское огниво было гораздо более удобным и совершенным, чем то огниво, которое Штеллер нашёл в американском лесу.

Огниво жителей Америки состояло из дощечки с дырочкой и деревянной палочкой. Человек вставлял конец палочки в дырочку, зажимал палочку между ладонями и вертел её до тех пор, пока дерево от трения не нагревалось. Тогда он прикладывал к нагретому месту клочок сухого мха, и мох вспыхивал.

Пока Штеллер разглядывал огниво, Савва снова заметил дым, на этот раз гораздо дальше.

— Идём, — сказал Штеллер, спрятав огниво в свой мешок.

— Куда идти? — хмуро возразил Савва. — Надо возвращаться.

— Ну и возвращайся, — сказал Штеллер. — А я пойду один.

Но Савве было страшно возвращаться одному по дикому лесу. Да и совестно было оставлять Штеллера. И он побрёл за Штеллером.

Они снова шагали по тропинке. Теперь они старались не шуметь, поминутно останавливались и прислушивались. Дым то исчезал, то снова вырывался из-за вершин деревьев. Узкая тропинка извивалась, и они уже двадцать раз переменили направление. Но дым, оказалось, всё оставался на том же расстоянии. Штеллер торопил Савву. Они уже снова почти бежали. Прошло полтора часа. Дым вырывался из-за леса в последний раз, исчез и уже больше не появлялся.

— Вернёмся, сударь, — сказал Савва. — Всё равно никого не увидим. Здесь до берега вёрст пять, не меньше. Ещё попадём в ловушку.

— Нет, — сказал Штеллер. — Идём вперёд!

Он сделал ещё один шаг, покачнулся, взмахнул руками и провалился сквозь землю.

У ног Саввы чернела глубокая яма.

— Да тут целый клад! — услышал он снизу голос Штеллера. — Это погреб. Принимай!

Из ямы высунулись руки Штеллера и стали подавать Савве одну за другой плетёные корзинки с вяленой рыбой. После корзин на свет стали появляться связки крепких верёвок, свитых из водорослей. За ними последовали охалки длинных превосходно выструганных стрел, выкрашенных чёрной краской, с острыми медными наконечниками.

— Ну и стрела! — с опаской сказал Савва, разглядывая одну из них. — Вдвое длиннее камчадальской. С такой стрелой и на медведя ходить можно.

Наконец из погреба показалась голова Штеллера в съехавшем

набок парике. Он внимательно осмотрел края ямы и сказал:

— Погреб этот был закрыт сосновой корой и сверху засыпан землёю. Кора не выдержала моей тяжести и провалилась.

Тут они снова увидели впереди столб дыма. Захватив с собой для образца корзинку с рыбой, связку верёвок и несколько стрел, они побежали вперёд. Но тропинка исчезла. Начиналась чаща. Идти было трудно. Они едва не скатились в овраг, на дне которого протекал ручей. Теперь они видели целых два столба дыма, и оба совсем близко: один направо, вверх по ручью, другой налево, вниз по ручью. Штеллер ни за что не хотел возвращаться, не повидав жителей Америки. Но, вняв совету благоразумного Саввы, он пошёл вниз по ручью, к костру, который был поближе к морю. Оврагом оказалось идти легче, чем лесом, и они скоро пришли к открытому месту, посреди которого возвышался безлесный холм. Ручей круто заворачивал и огибал холм справа. Столб дыма теперь подымался из-за холма.

— Наверх! — скомандовал Штеллер и стал карабкаться по склону.

Через минуту они были уже на вершине. В версте от них простиралось море. В устье ручья стоял бот с «Петра». Моряки наполняли бочки водой. Рядом с ними горел большой костёр, над которым клубился чёрный смолистый дым.

— Фуй! — воскликнул Штеллер, — Это Хитров наливается водой. Нам нужно было идти вверх по ручью!..

Он передал Савве корзину, огниво, верёвки и стрелы и сказал:

— Ступай, братец, на корабль и отдай это от меня капитан-командору.

— А ты, сударь, куда же? — спросил удивлённый казак, но Штеллер уже бежал вниз, назад, к лесу.

Через минуту он скрылся в чаще.

Савва постоял, покликал его немного и побрёл к Хитрову.

Штеллер один ушёл искать жителей Америки.

14. ВНЕЗАПНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Но дымки продолжали обманывать Штеллера и дальше. Он проходил версту за верстой, бросался то влево, то вправо, взбирался на холмы, спускался в овраги, а неуловимые столбы дыма по-прежнему прятались за лесной чащей.

Вечером в сумерках Беринг, взойдя на мостик, заметил на берегу одинокую фигуру. Он поймал её в круглое стёклышко подозрительной трубы и облегчённо вздохнул.

— Послать за ним шлюпку! — крикнул он Хитрову.

Штеллер вернулся на корабль утомлённый, расцарапанный. В сапогах его хлюпала вода, пудренный парик стал серым от грязи. Он волочил мешок с образцами собранных в Америке растений. Штеллер был действительно замечательный естествоиспытатель — всего шесть часов провёл он на американском берегу и успел описать 160 видов растений! В записках Штеллера сказано, что, когда он поднялся на корабль, Беринг приказал угостить его шоколадом. В этом выразилось уважение капитан-командора к Штеллеру и, может быть, даже признание его правоты. Шоколада на «Петре» было очень мало. Его выдавали только отличившимся.

И всё же Беринг был твёрдо уверен, что в Америке задерживаться нельзя, что надо сразу же возвращаться. На следующее утро, на рассвете, он приказал поднимать паруса.

Штеллер, утомлённый вчерашним блужданием по лесу, проснулся поздно. Взглянув в иллюминатор, он увидел, что корабль снова вышел в море, и выбежал на палубу.

— Куда мы идём?

— На Камчатку, — ответил Беринг.

С негодованием отмечает Штеллер в своих записках, что на подготовку экспедиции ушло десять лет, а на исследования ему было предоставлено всего шесть часов, «якобы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили». Конечно, по-своему, Штеллер был прав. Но дальнейшее доказало правоту Беринга. Если бы «Пётр» покинул берега Америки хотя бы на несколько дней позже, можно быть почти уверенным, что ни один участник экспедиции никогда больше не увидел бы родины.

Перед отплытием Беринг распорядился «для приласкания впредь тутошних народов» послать на берег «конец зелёной крашенины, два котла железных, два ножа, двадцать штук большого бисера, две китайские табашные трубки железные да фунт черкасского табаку», с приказанием положить всё это в ту яму-кладовку, куда свалился Штеллер. Приказание это было выполнено.

Поспешное отплытие от берегов Америки Беринг объяснял между прочим и тем, что на корабле началась цинга. Это была правда. Цинга — страшная болезнь, происходившая от солёной, лишённой витаминов пищи, которую ели в те времена все мореплаватели, — уже свалила с ног нескольких моряков.

Шли то на юго-запад, то на северо-запад, вышли в открытое море, берега скрылись из виду, и одна только снежная вершина горы Ильи долго виднелась на горизонте. Потянулись однообразные дни. С севера уже дуло холодом — приближалась осень. Штеллер занялся разборкой богатой коллекции растений, собранных им на американском берегу, но от этой работы его всё больше отвлекало другое занятие.

Ему теперь приходилось отдавать много времени заботам о больных. Цинга становилась всё свирепее. Каждый день объявлялся новый больной. Болезнь начиналась вялостью, слабостью, потом пухли дёсны и вываливались зубы. На руках и на ногах появлялись гнойные язвы. Больной терял всякий интерес к жизни, переставал есть и медленно чах. Чтобы не заразить здоровых (в те времена ошибочно думали, что цинга заразительна), Беринг приказал отправлять всех больных в одно из пустующих помещений трюма. Там им приготовили койки, где они могли спокойно умирать.

Первым умер матрос Никита Шумагин — 30 августа. В ту самую минуту, когда тело его, завёрнутое в простыню, бросали с палубы в воду, один из моряков закричал:

— Земля! Земля!

«Пётр» подошёл к большим каменистым безлесным островам. Вдали подымались дымки — значит, здесь тоже есть люди! Остановка была очень кстати. Пресная вода в бочках стала иссякать, а Штеллер уверял, что без свежей воды бороться с цингой невозможно.

Беринг высмотрел хорошую гавань, и через два часа «Пётр» уже стоял на якоре. Тотчас же спустили шлюпку, и Хитров отправился за водой. Он нашёл ручей, но когда вернулся, было уже совсем темно. Ночью сниматься с якоря в незнакомом месте слишком опасно. Решено было ждать следующего дня.

Острова называли Шумагинскими.

15. ШУМАГИНСКИЕ ОСТРОВА

— К нам плывут челноки!

Штеллер взбежал на палубу.

Весь экипаж «Петра» уже был наверху и глядел туда, где вдали возвышались безлесные береговые холмы.

Штеллер услышал пронзительный неприятный звук, который принял было за рёв тюленей. И только тогда увидел два маленьких юрких челнока, прыгавших на волнах между кораблём и берегом. В каждом челноке сидело по человеку, и эти двое орали во всё горло.

Лицо одного было вымазано красной краской, лицо другого — синей. Это придавало им странный вид. Перегородка между ноздрями была продырявлена и в дырку вставлено по моржовому клыку, так что издали казалось, будто у них огромные белые усы. В руках каждый держал по длинному шесту, к концу которого было прикреплено чучело птицы. Они с удивительным проворством вертели шесты в руках, словно что-то писали по воздуху.

Челноки у них были тоже особенные. Они были сделаны из костей, обтянутых тюленьей кожей. Кожа покрывала челнок и сверху. Только в середине было круглое отверстие, как раз такое, что в него мог влезть один человек. В такой челнок, называемый байдаркой, не может попасть вода. Волны в три человеческих роста перекачивались через головы гребцов. Кажется, никогда уже этому смелому мореходу не вынырнуть на поверхность, а, глядь, он уже снова плывёт в своём маленьком кожаном челноке как ни в чём не бывало.

Продолжая кричать, оба островитянина подплыли к кораблю. Крик их был похож на молитву или на заклинание. Моряки махали им руками, приглашая взойти на судно. А островитяне звали чужеземцев на берег и, засовывая пальцы в рот, дали им понять, что там их хорошо угостят.

Приблизившись, они бросили свои шесты с птицами перед самым кораблём. По мнению Штеллера, это был религиозный обряд, нечто вроде жертвоприношения. Штеллер привязал к верёвке две табачные трубки, несколько связок стеклянных бус, зеркальце и спустил всё это к байдаркам. Островитяне очень обрадовались. Один из них прицепил к веслу шкурку сокола и подал её коряку Пячке. Потом оба стали быстро грести к берегу, знакомя приглашая моряков последовать за ними.

Сейчас же спустили большую шлюпку. В неё сели Штеллер,

Ваксель, Пячка да девять человек матросов и казаков. Взяли с собой ружья, но из предосторожности положили их на дно шлюпки и закрыли рогожей.

Был сильный прибой. Возле берега в море лежали каменные глыбы, вокруг которых пенились водовороты. Пристать, не рискуя разбить шлюпку, было невозможно. У воды толпилось человек двадцать туземцев, которые криками и знаками приглашали моряков выйти на берег. Но подводные камни казались слишком опасными.

Ваксель, командовавший шлюпкой, решил вернуться. Но Штеллер ни за что на это не соглашался. Он и тут проявил себя упорным, отважным и бесконечно любознательным исследователем. Он объявил, что, если шлюпка не пойдёт дальше, он прыгнет в воду и доберётся до берега вплавь.

— Кто со мной?

И начал стаскивать с себя камзол.

Один только Савва Стародубцев вызвался отправиться на берег вместе со Штеллером и стал снимать рубаху.

— Плыви и ты с нами, Пячка, — сказал Штеллер. — Может быть, они понимают по-коряжски.

Штеллер, Савва и Пячка прыгнули в воду и поплыли к берегу. Ваксель, не решаясь ни подойти к берегу, ни вернуться на корабль, остался ждать их в шлюпке за линией прибоя.

Едва три смельчака вылезли на берег, как островитяне подхватили их под руки и повели на ближайший холм. Штеллер сначала принял их всех за мужчин, но потом увидел, что ошибся. В толпе было много женщин, но они носили такие же длинные рубахи из тюленьей кожи и такие же меховые шапки, как и мужчины, и поэтому их было трудно отличить.

Лица у всех были вымазаны краской — у кого синей, у кого красной, у кого жёлтой или зелёной. Носы были прорезаны в самых разных местах, и в дырки вставлены кости, клыки и зубы животных. Иногда они вынимали эти украшения, и тогда из ран сочилась слезь, которую они простодушно слизывали языком.

Штеллер нашёл, что жители этого острова очень похожи на эскимосов, живущих в Гренландии, на берегу Атлантического океана. Он не ошибся. Народ, к которому попали русские, были алеуты, находящиеся в близком родстве с эскимосами.

На вершине холма горел костёр. Две старые женщины жарили китовое мясо, положив его на горячие уголья. Тотчас же начался пир. Островитяне усердно потчевали своих гостей. Штеллер попробовал мясо и нашёл, что оно вовсе не плохо на вкус. Только твердовато и жёстко и пахнет ворванью. Впоследствии ему пришлось познакомиться с китовым мясом поближе.

Алеуты, конечно, ни слова не понимали по-коряжски, и Пячка был совершенно бесполезен. Штеллер подарил им несколько связок бус и несколько маленьких зеркалец, которые были приняты с восторгом. Всё, казалось, шло как нельзя лучше.

Но тут случилось событие, расстроившее только что наладившуюся дружбу русских с островитянами.

Один из туземцев сел в свой кожаный челнок и подплыл к шлюпке Ваксея. Он весело улыбался русским. Намерения, очевидно, у него были самые дружественные. Ваксель встретил его ласково, и островитянин доверчиво пересел из челнока в шлюпку.

Русским пришло в голову угостить его.

— А ну, дайте-ка ему водки, — сказал, смеясь, кто-то.

Сейчас же появилась бутылка. Водку налили в кружку и поднесли гостю. Тот улыбнулся, взял кружку, отхлебнул и закричал. Он кричал во всё горло, и никак его нельзя было заставить замолчать. Он, очевидно, сильно обжёгся.

Ваксель перепугался не на шутку. Ведь там, на берегу, остались три их товарища, безоружные и беспомощные. Если островитяне подумают, что моряки обошлись с одним из них дурно, они могут убить Штеллера, Пячку и Савву.

Ваксель торопливо совал в руки гостя зеркала, ножи, бусы, табачные трубки, но тот кричал по-прежнему. Тогда Ваксель силой посадил его в челнок и оттолкнул от шлюпки. А к берегу уже бежали островитяне, возбуждённо махая руками. На этот раз тут были только мужчины. За ними едва поспевали Штеллер, Савва и Пячка. Ваксель заметил, что у островитян нет ни луков, ни копий, и это его несколько успокоило.

Добежав до берега, Штеллер прыгнул в воду, но островитяне сразу же окружили его, подхватили и потащили назад. Савву и Пячку тоже крепко держали за руки. Впрочем, никто их не толкнул, не ударил — островитяне пока вели себя довольно благодушно. Даже совали в руки Штеллера какие-то шкурки, как бы задабривая его.

Но тут к берегу подплыл тот островитянин, которого Ваксель так неосторожно угостил водкой. Он уже успокоился, перестал кричать. Его сородичи кинулись к нему с расспросами и на минуту забыли о своих пленниках. Штеллер сделал знак Савве, они оба рванулись вперёд, прыгнули в воду и скоро уже подплывали к шлюпке. Один недогадливый Пячка остался на берегу.

Островитяне опомнились и кинулись к нему.

— Спасите! Спасите! — кричал бедный коряк, плача от страха.

Он был уверен, что шлюпка уйдёт и оставит его навсегда в плену. Он упал на колени, протянул руки к морю и стал умолять о помощи.

— Стреляйте! — крикнул Штеллер, влезая в шлюпку.

Дали залп в воздух.

Треск ружей так поразил островитян, что они упали ничком на землю. Потом вскочили, побежали и скрылись за холмами.

Освобождённый Пячка вплавь добрался до шлюпки. Он был так перепуган, что даже час спустя, поедая в кубрике горячую похлёбку, вздрагивал и оглядывался по сторонам.

16. ОБРАТНОЕ ПЛАВАНЬЕ

Когда Шумагинские острова скрылись из виду, Беринг стал замечать, что погода быстро меняется. Небо потемнело, ветер стал порывистым — то вдруг замрёт, так что повиснут паруса, то налетит с неистовой яростью, тряхнёт корабль, повалит всех с ног и обрушит на палубу исполинскую волну.

Направление ветра тоже переменялось. Из попутного восточного он стал западным, встречным, и дул прямо в нос кораблю. Сила его возрастала с каждым часом, волнение увеличивалось. «Пётр» мужественно резал воду своей крутой деревянной грудью, но добрый корабль был уже совсем не в таком хорошем состоянии, как тогда, когда он вышел из Петропавловска. Снасти обносились за путешествие — канаты поминутно рвались, полотнища парусов лопались. Обшивка тоже истрепалась, и по ночам моряки со страхом прислушивались к подозрительным скрипам, раздававшимся внутри корабля.

Ко второй половине сентября ветер настолько усилился, что идти ему навстречу стало невозможно. Команда работала сутки напролёт. Беринг каждый час приказывал передвигать паруса, и «Пётр» переходил с галса на галс. Но всеми этими усилиями они достигали только того, что их не волокло назад, к Америке. Вперёд они не продвинулись ни на милю.

А между тем цинга овладевала всё новыми жертвами. Каждый день несколько человек относили в трюм и каждые три дня кого-нибудь швыряли в море, завернув в простыню. В числе умерших был и семидесятилетний штурман Эзельберг, в молодости служивший на голландских торговых судах и ходивший в кругосветное плавание. Он был на редкость опытный моряк и много помогал Берингу в управлении кораблём. Перед смертью он говорил, что такой сильной, упорной и длительной бури он не видел за всю свою жизнь.

Однажды за обедом Ваксель, взглянув в лицо Берингу, воскликнул:

— Капитан-командор, у вас совсем чёрные губы!

— Я знаю, — ответил Беринг.

— Это цинга, вы должны немедленно лечь!

— Нет, — сказал Беринг, — я лягу, когда приведу вас в Петропавловск.

Но через несколько часов он упал посреди палубы и не мог встать. Его осторожно подняли, отнесли в капитанскую каюту и положили на койку.

В начале октября стало холодно. Моряки мёрзли, надели

тулупы и ждали, когда ветер переменит направление и даст им возможность продолжать путь. Но ждать им пришлось очень долго — целых три недели «Пётр» проторчал на одном месте посреди моря.

И когда, наконец, ветер изменил направление, это был уже не ветер, а ураган. Он переломил одну из мачт, спутал снасти и закружил корабль по воле волн. «Пётр» казался дощечкой, брошенной в водопад.

В трюм невозможно было войти. Удушливая вонь сбивала с ног. Даже свечи здесь тухли от недостатка свежего воздуха. Больные лежали на полу вповалку. Нары были пусты, потому что качка скидывала всякого, кто решался лечь на них. Измученные, уже равнодушные ко всему тела при каждом движении судна перекатывались по мокрой соломе, устилавшей пол. В этой тьме, в этом смраде невозможно было определить, кто жив, кто мёртв. Мёртвые переваливались через живых, живые через мёртвых, повинаясь неожиданным порывистым толчкам бури. Трупы не убирались по несколько суток — некому было.

Ночи почти не отличались от дней. Перед рассветом на концах искалеченных реёв вспыхивали зыбкие тусклые огоньки святого Эльма. Потом на несколько часов море озарялось серым дневным светом, ещё более мучительным, чем ночная тьма. Затем снова наступала ночь, не приносящая ни отдыха, ни надежды.

Беринг лежал в своей каюте, привязанный к койке ремнями. Уже много дней он ничего не ел, не пил, не говорил. Он был равнодушен ко всему, даже к качке, подымавшей к потолку то его ноги в широких ботфортах, то высокий бледный лоб. Судном управляли Ваксель и Хитров. Впрочем, всё управление сводилось к тому, чтобы плыть по ветру. Больше половины команды лежало в трюме. Здоровые едва двигались от утомления. Ваксель тоже заболел и с трудом бродил по палубе, рискуя каждую минуту быть смытым за борт. Четверо суток дул южный ветер, неся «Петра» на север. Это лишало их последней надежды добраться до Камчатки. В довершение всего кончалась пресная вода. Командой овладела апатия. Все молча покорились своей участи.

Один Штеллер не унимался. Никакая буря не могла сломить его неукротимый характер. Этот человек, по-видимому, обладал действительно исключительным здоровьем — он ел то же, что и все, подвергался тем же невзгодам, но, единственный на всём корабле, был до конца здоров и деятелен. Даже слишком деятелен. Он буйствовал, строил планы, кричал, приказывал, спорил. В его неугомонной голове ежедневно рождались новые проекты спасения. Он шёл к капитану жаловаться на Хитрова и Вакселя. Беринг смотрел на него невидящими глазами, полными

боли и усталости, и отворачивался. Тогда он шёл к Вакселею на палубу, в ветер, и излагал ему свои планы до тех пор, пока их не обливала волна. Штеллер в бешенстве бежал к себе в каюту, раздвигал банки с заспиртованными рыбами, садился за стол и строчил яростные доносы и рапорты в сенат. Свеча поминутно тухла, чернила разливались, но это только ещё больше озлобляло его. Он писал о том, что воля Правительствующего сената нарушена, что его, Штеллера, не послушали, когда он советовал остаться на зиму в Америке, что капитан-командор преступно бездействует, что Ваксель изменнически гонит корабль на север, что Софрон Хитров всю воду выпил, потому что сам пьёт вволю, а другим не даёт.

Всё это сохранилось в его уцелевших записках. Эти записки — удивительное свидетельство скверного и неуживчивого характера их автора. Штеллер всех считал виновными, преступными. О Вакселе и Хитрове, которые вели корабль, он на каждой странице пишет, что они «предали и продали», хотя непонятно, что и зачем они могли «предать и продать». Он, безусловно, несправедлив к ним — можно только удивляться, как им в столь страшных обстоятельствах удавалось с таким упорством вести корабль к далёкой Камчатке.

Надо сказать, что в конце октября Ваксель и сам стал думать, что им следует вернуться к американским берегам и там перезимовать. Вместе со Штеллером отправился он к Берингу убеждать его возвратиться в Америку. Они говорили капитан-командору, что бороться с противным ветром больше невыносимо, что в море их погубит цинга, а в Америке есть по крайней мере пресная вода; там можно поправить снасти, отсидеться и весной пуститься снова в плавание.

Беринг выслушал их и сказал:

— Нет.

Этот мягкий человек в трудных обстоятельствах умел быть твёрдым.

Вот как Ваксель в своих записках изображает положение на «Петре» в первых числах ноября:

«В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто мог бы помочь в управлении судном. Паруса износились до того, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими за отсутствием людей я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были

способны ещё немного двигаться. Матрасы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, столь же больному, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всём том стояла поздняя осень с сильными бурями, длинными тёмными ночами, со снегом, градом и дождём. К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам по пути, и каждую минуту были готовы испытать последний губительный для корабля удар. Немногие державшиеся на ногах были до последней степени изнурены и пали духом настолько, что просили не поручать им больше никакой работы, так как чувствовали себя совершенно обессиленными. Чтобы избавиться от своего ужасного состояния, они нередко призывали смерть, говоря, что предпочитают лучше умереть, чем так жить. В пресной воде у нас также появился недостаток, короче говоря, мы испытывали самые ужасные бедствия.

Наш корабль плыл, как деревянная колода, почти без всякого управления, и шёл по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать. Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их (ибо силу я уже не мог применить, так как люди были близки к отчаянию), чтобы они не падали духом и не отказывали мне в помощи. Я обещал им, что если мы, с божьей помощью, вскоре увидим землю, мы сразу же причалим туда, чтобы спасти свою жизнь, — пусть то будет хоть какой бы то ни было берег; затем, быть может, найдём какие-нибудь средства, чтобы обеспечить дальнейшее наше возвращение. После этого некоторые из матросов через силу заставляли себя выходить на палубу и по мере возможности принимали участие в работах».

4 ноября, в восемь часов утра, вахтенный увидел землю. Эта весть мигом облетела весь корабль. Даже из трюма вылезло несколько человек, чтобы поглядеть на сушу. Земля была верстах в двадцати. Вдали поднимались горы, у берегов чернели скалы. День стоял тусклый, дождливый, и ничего больше рассмотреть было нельзя. Но все сразу решили, что это Камчатка. Слишком уж

им хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие клялись, что перед ними окрестности Авачинской губы. Беринг встал с койки и вышел на палубу. Но от свежего воздуха ему сделалось дурно, и его тотчас же отнесли в каюту.

К этому дню из числа экипажа умерло уже двенадцать человек, а тридцать четыре были больны цингой и ни к какой работе не способны. Ваксель в своих записках рассказывает:

«В течение долгого времени мы не могли определить своё положение по солнцу. Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но и никому на свете. Ввиду этого мы и не имели никакой возможности с точностью определить землю, которую мы, наконец, увидели.

Мы находились ещё на довольно большом расстоянии от земли и с наступлением вечера вследствие темноты и облачности не могли, её разглядеть, ветер же очень усилился. На следующее утро, то есть 5 ноября, мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули, а под рукой не было людей, которые могли бы при помощи обычных инструментов их починить. Оказалось, что ванты на грот-стенге также разорвались с правой стороны, почему пришлось убрать грот-марс и грот-рею, чтобы не потерять грот-мачты. Увидя, что мы находимся в таком угрожаемом и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитану-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели. Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения».

Итак, на совет к Берингу пришли не только офицеры, но и матросы — все, кто держался ещё на ногах. Это противоречило уставу, но все чувствовали, что спорить о чинах не время. Было решено идти прямо к берегу. Один только Овцын предлагал поискать сначала удобной гавани. Он опасался береговых утёсов. Беринг присоединился к мнению Овцына. Но команда об этом и слушать не хотела.

— Приставать! Приставать! — кричали измученные моряки.

И «Пётр», вопреки мнению Беринга, медленно двинулся к берегу, напрямик. Ветер дул с борта, качка стала невыносимой. Волны перекатывались через палубу. Парусов почти не

оставалось, корабль едва двигался, но всё же береговые утёсы мало-помалу росли и приближались.

В пять часов дня Штеллер спустился к себе в каюту, чтобы съесть сухарь. Внезапный толчок опрокинул его на пол. Он ударился затылком об угол шкафа и потерял сознание.

Через минуту он очнулся, вскочил и кинулся вверх по трапу. Выбежав на палубу, в гул и вой бури, он почувствовал новый подводный толчок, опять упал и покатился. Лицо его уткнулось во что-то мягкое. Ледяная волна перекатилась через него. Под ним лежал Ваксель. Корабль боком, неуклюже, но чрезвычайно быстро нёсся к чёрному утёсу.

— Мы летим на скалу! — крикнул Штеллер, вскочив.

Ваксель тоже поднялся.

— У нас сорван руль, — сказал он.

— Якорь! Давай якорь! — крикнул Штеллер. — Если мы не удержимся, нас через минуту разнесёт в куски.

Бросили якорь, он зацепился за дно, но канат тотчас же лопнул как паутина. Бросили второй якорь — опять лопнул канат. Надежды больше не оставалось. Утёс возвышался чёрной стеной совсем рядом.

Но тут случилось чудо. Огромная волна мягко подняла «Петра» на свой гребень, осторожно перенесла через утёс и опустила в тихую лагуну, окружённую со всех сторон скалами.

17. ТАИНСТВЕННЫЙ БЕРЕГ

Было уже совсем темно, и никто не решался покинуть корабль. Наутро Вакселио стало хуже, и он слёг. Софрон Хитров тоже едва держался на ногах. Штеллер вышел на палубу, и море поразило его. Совершенно спокойное, молочно-бледное, подёрнутое холодным туманом, оно испугало его своей мертвенной молчаливостью и белизной.

Он с трудом зашагал по палубе. «Пётр» лежал почти боком на песчаной отмели, и Штеллер ежеминутно рисковал соскользнуть вниз в холодную воду. Навстречу ему вышел Плениснер, с таким же трудом шагая по покатым доскам палубы.

— Это не Камчатка, — сказал он Штеллеру, угрюмо глядя на берег.

Берег был каменистый и безлесный. Местами то там, то здесь лежал снег. От этого земля казалась рябой.

— Позовите Овцына, и поедem за водой, — сказал Штеллер.

— Если Овцын поедет с нами, на корабле не останется ни одного здорового офицера. А мало ли что здесь может случиться...

— Трусy и изменники! — проворчал Штеллер, обращаясь ко всему кораблю, переполненному больными.

Он сам почти никогда не болел и считал всех больных притворщиками и лентяями. Это качество очень помогало ему в его медицинской практике. Он с такой яростью убеждал больного в том, что тот совершенно здоров, что больной сам заражался этим убеждением и начинал вести себя как здоровый. А тех больных, которые продолжали болеть, несмотря на все убеждения, Штеллер презирал и ненавидел.

Позвали Савву Стародубцева и спустили на воду единственную уцелевшую после бури шлюпку — самую маленькую. В шлюпку поставили три пустые бочки для пресной воды. Плениснер сел за руль, Савва и Штеллер — за вёсла.

На берегу сразу же нашли ручей с прозрачной вкусной водой. Корабль с берега казался мёртвым. Ни дымка, ни одного человека на палубе — ничто не выдавало, что там были живые люди.

Налили бочки водой и приказали Савве отвезти их на судно. Плениснер пошёл на охоту, а Штеллер стал собирать противочинготные растения.

Местность была совершенно безлесная, и только возле ручья рос низкий кустарник. Но на берегу валялись стволы сосен и кедров, выброшенные морем. Наносного леса много на всех берегах Ледовитого океана и Берингова моря. Его приносят с

собой могучие сибирские реки. Это очень обрадовало Штеллера, потому что по крайней мере можно будет жечь костры.

Штеллер шёл между кустов, разгребал снег и вытаскивал из-под него листки заячьей капустки — лучшего противочинготного средства. Вдруг он услышал какой-то шорох. Он обернулся. Рядом с ним стоял маленький зверёк в голубой пушистой шкурке, с чёрными блестящими глазками и обнюхивал его сапоги. Штеллер уже хотел замахнуться палкой, но тут увидел второго такого же зверька, потом третьего, четвёртого. Каждую минуту к ним подбегали всё новые и новые, и скоро удивлённый естествоиспытатель был окружён целой стаей штук в семьдесят. Они бесцеремонно разглядывали и обнюхивали незнакомца, лизали его ноги красными шершавыми язычками. Штеллер крикнул на них, но они нисколько не испугались и ответили дружным собачьим тьявканьем.

Это были песцы.

«Отчего они не боятся меня? — подумал Штеллер. — На Камчатке песцы так напуганы охотниками, что, увидев человека, бегут со всех ног. Неужели это в самом деле не Камчатка?»

Штеллеру так и не удалось разогнать песцов ни криком, ни палкой. Они всюду всей стаей следовали за ним, как собаки. Шкурки этих животных чрезвычайно ценятся европейцами. На Камчатке в те времена их уже почти истребили охотники. И Штеллер не переставал дивиться тому, как их здесь много.

За холмами ухало ружьё Плениснера. Наконец явился он сам, нагруженный шестью убитыми куропатками.

— Жаль, что у меня нет собаки, — сказал Плениснер, довольный своей добычей. — Куропаток здесь достаточно. С собакой я настрелял бы их несколько дюжин.

Савва снова приехал на берег за водой и отвёз Берингу куропаток и заячьей капустки, а Плениснер и Штеллер остались на суше. Они понимали, что команда больше не в состоянии жить на полуразрушенном корабле, который при малейшем волнении будет разбит в куски. Больных нужно было возможно скорее вытащить из вонючего трюма на воздух. Штеллер был убеждён, что свежий воздух и свежая пища — единственный способ бороться с цингой. А на берегу возможна охота, следовательно, будет свежая пища. Излечив моряков от цинги, можно будет попытаться сухим путём добраться до какого-нибудь населённого места.

Но где будут жить эти измученные болезнью люди? Нельзя же оставить умирающих моряков под открытым небом, да ещё в ноябре. О том, чтобы построить на берегу какой-нибудь барак, нечего было и думать. Древесных стволов, выброшенных

морскими волнами, не хватило бы для такого сооружения, да и работоспособных людей оставалось так мало, что эта постройка заняла бы слишком много времени.

Но Штеллер обратил внимание на глубокие ямы, вырытые ветром в прибрежном песке. Если в этих ямах развести костры да покрыть их сверху остатками парусов «Петра», из них могли бы выйти убежища от ветра, холода и снега.

Штеллер и Плениснер провели на берегу всю ночь, занимаясь устройством ям под жильё, а утром с помощью Овцына, Саввы Стародубцева, едва державшегося на ногах Хитрова и нескольких пощаждённых цингой моряков стали перевозить матросов на сушу.

В трюме была такая вонь и такой спёртый воздух, что даже у здоровых начиналась рвота, когда они спускались в этот душливый ад. Решили перевезти сначала самых слабых и самых опасных. Больные ни за что не хотели покидать трюм, говорили, что им здесь тепло, что от холода они умрут. Отобрав двадцать человек, Штеллер и Плениснер приказали силком положить их на носилки и вынести на палубу. К удивлению Штеллера, на свежем воздухе больным сразу стало хуже. Они почти все лишились сознания. Это встревожило Штеллера, так как опровергало его теорию о пользе свежего воздуха.

Больных на берег перевозили по двое, ибо в шлюпке было слишком мало места. Десять раз шлюпка ходила от корабля к берегу и обратно.

Казак Фома Лепёхин, стороживший больных на берегу, подошёл к Штеллеру и сказал:

— Ваше благородие, с больными неладно. Не дышат.

Во время перевозки умерло девять человек.

Штеллер испугался не на шутку. Умерло девять человек из двадцати! И где — на берегу, когда их можно было считать уже спасёнными!

Решено было пока больше больных на берег не свозить. Софрона Хитрова, окончательно потерявшего способность держаться на ногах, Штеллер отвёз обратно на корабль и положил рядом с Вакселем.

Здоровые работали не покладая рук. Их было слишком мало, чтобы обслужить и кормить такое множество больных. Приходилось покрывать парусиной всё новые ямы, таскать дрова для горящих круглые сутки костров, носить воду из ручья, охотиться и, главное, оберегать больных от песцов.

Песцы, наглые и многочисленные, превратились в грозную опасность. Они вертелись под ногами, вытаскивали мясо из котлов, с жадностью набрасывались на трупы матросов. Несмотря на постоянную охрану, умерших пришлось хоронить с

обгрызенными руками и ногами, с искромсанными лицами. К несчастью, прожорливые зверьки не хотели отличать живых от мёртвых, и их острые зубы изранили многих больных. Они до того осмелели, что напали даже на Штеллера, когда тот прилёг вздремнуть у костра. Штеллер вскочил и изрубил топором девятнадцать песцов.

Их нельзя было испугать ни криками, ни побоями, ни даже стрельбой из ружья. Видя, с какой лёгкостью люди убивают их братьев, песцы становились только злее и отважнее. Огни костров привлекали их из самых дальних мест, и скоро вокруг лагеря собралась стая в несколько тысяч штук.

Берингу становилось всё хуже и хуже. Ноги его отнялись и покрылись чёрными гнойными язвами. Дёсны распухли, и зубы вывалились. Он требовал, чтобы его немедленно перевезли на берег. Штеллер отговаривал его, вспоминая девятерых матросов, внезапно умерших, когда их вынесли из вонючего трюма. Но под конец, видя, что больной и без того очень плох, Штеллер согласился выполнить волю своего начальника.

9 ноября Штеллер, Плениснер, Савва и Фома Лепёхин положили Беринга на носилки и перевезли на берег. Они закутали его с головой в несколько одеял, чтобы перемена воздуха не была слишком внезапной и сильной. Больного капитан-командора положили в специально приготовленную отдельную яму посуше и попросторнее других.

На берегу Беринг казался очень спокойным и довольным. Он спросил Штеллера, что это, по его мнению, за земля. По мнению Штеллера, вряд ли это была Камчатка. Как иначе объяснить отсутствие у зверей, особенно у песцов, всякой боязни человека? С другой стороны, и далеко до Камчатки не могло быть, так как растительность здесь почти та же, что и на полуострове; затем на берегу была найдена оконная ставня из тополевого дерева, очевидно русской работы, принесённая течением, вероятно, с устья реки Камчатки.

Беринг согласился с этими доводами. Он, несомненно, прекрасно сознавал, что земля, на которую их выбросило, не Камчатка, но решил скрыть это от команды, чтобы не лишать её бодрости.

Потянулись тяжёлые дни. Шёл снег, наступили морозы, и дров не хватало. Все брёвна, валявшиеся по соседству, были уже сожжены, и топливо приходилось таскать издалека. Плениснер, опытный охотник, с утра до вечера бродил с ружьём по холмам, но куропаток, которых он приносил, на всех не хватало, несмотря на то, что ему иногда удавалось убивать несколько дюжин. Приходилось есть песцов да жевать морские сухари, которые

опротивели ещё в море.

Под 16 ноября Софрон Хитров, находившийся на корабле, записал в судовом журнале:

«Маловетрие, пришёл бот з берегу, привезена на нём одна бочка воды и повезли на нём на берег больных меня да служителей 7 человек, притом померло на корабле служителей, которые намерены были ехать на берег, матроз Иван Емельянов, канонер Илья Дергачёв, сибирский солдат Василий Попков да при выходе з бота на берег умер матроз Селивёрст Тараканов».

Под 17 ноября он же записал:

«От морозу кругом судна и на судне такелаж весь обмёрз льдом. На берегу при звозе с корабля умер сибирский солдат Савва Степанов».

В довершение всего начались сильные ветры. Волны продолжали разрушать «Петра», беспомощно лежавшего на мели. Пришлось перевозить на берег и спасать грузы, хранившиеся в корабельных кладовых.

К счастью, Хитров начал быстро поправляться. Скоро он мог работать наравне со здоровыми. Все ямы были уже заняты, и приходилось рыть новые. Теперь, когда перевозили больных, их закутывали с головой в одеяло, и никто больше при перевозке не умирал. Наконец был перевезён Ваксель — 21 ноября.

Вот как Ваксель описывает последние дни, проведённые на корабле, и свой переезд на берег:

«19 ноября я ещё оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня на борту было лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки. По этим знакам находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгрести и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую воду. Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, прибыла лодка.

Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека доставили в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, бывшие на борту корабля, одновременно со мной также были свезены на берег. За несколько дней до переезда я переселился, ради тепла, в камбуз; так как видел я, что многие из наших людей, едва их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух, я при переезде на берег принял некоторые меры предосторожности. Я покрыл своё лицо почти целиком тёплой и плотной шапкой, а другую такую же шапку надел себе на голову, и всё же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеописанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы ещё на корабле, так как силы мои уже подходили к концу».

Если бы Ваксель ещё один день пробыл на корабле, он бы погиб, потому что ночью началась буря.

В течение недели в берег били волны вышиной с четырёхэтажный дом. Люди боялись вылезать из своих землянок — ветер валил их на землю. Поднялась такая метель, что через несколько часов землянки были занесены снегом на целый аршин.

29 ноября буря стихла. Утро было морозное, солнечное. Вокруг лагеря метель намела огромные снежные сугробы. Ущелья между скалами были занесены снегом доверху, и вид местности совершенно изменился. Снег ослепительно сверкал, и рядом с белым берегом море казалось совсем чёрным.

«Пётр» после бури бесследно исчез. Отмель, на которой он спокойно лежал в течение трёх недель, опустела. Это опечалило и встревожило моряков, потому что на «Петре» оставалось ещё много всякого ценного груза.

Только к вечеру Овцын нашёл остатки разбитого судна на берегу, в трёх верстах от лагеря. Деревянный остов корабля, искалеченный волнами, был похож на скелет какого-то чудовища.

А Берингу в этот день было особенно плохо. Рыхлые стены землянки, в которой он лежал, обваливались, и его постоянно засыпало песком.

— Не раскапывайте меня, — говорил он Штеллеру, — мне так теплее. Мне ничего не надо.

Об этом же сообщает в своих записках Ваксель. Вот что он

рассказывает:

«Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг. Тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мёрзнут. Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме-землянке, по стенкам которой всё время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то получилось, что тело его наполовину было засыпано песком».

Капитан-командор Витус Беринг умер 8 декабря 1741 года. Как лютеранина, хоронили его по протестантскому обряду. Тело его, прежде чем закопать, привязали к доске — это был символ гроба. Он умер при исполнении своих обязанностей через шестнадцать лет после того, как умирающий Пётр поручил ему заново открыть Америку.

Когда он умер, Штеллер так написал о нём:

«Это был справедливый человек. За приветливость и спокойствие он пользовался всеобщей любовью как среди офицеров, так и среди команды. Порученное ему дело он исполнял с крайним разумением. Вместе с тем он не отличался решительностью, какая необходима в экспедициях. В вину ему можно поставить слишком мягкое обращение с подчинёнными».

После похорон Штеллер говорил Хитрову:

— У Беринга был один большой недостаток — он терпел людей, которые вели себя своевольно и дерзко.

Хитров с удивлением взглянул на Штеллера. Ему странно было слышать это от человека, который во время всего путешествия с недопустимой дерзостью враждовал с капитан-командором и писал на него доносы в сенат.

18. ОТОРВАННЫЕ ОТ ВСЕГО МИРА

Больше двухсот лет прошло со дня смерти капитан-командора Витуса Беринга, и больше двухсот лет люди обсуждают каждый его шаг, каждое его решение, каждую черту его характера. Огромное значение сделанных экспедицией Беринга открытий не оспаривает, разумеется, никто. Но его самого очень многие строго критикуют. Такой уж установился обычай — со времён записок Штеллера до наших дней. Чего только не ставили Берингу в вину — и мягкость, и неумение поддерживать дисциплину, и пренебрежение к наукам, и осторожность, и медлительность, и попытки уйти в отставку до окончания дела, и многое другое. Быть может, кое-что в этих строгих суждениях и справедливо, но они несправедливы в корне, в основном: они не учитывают конкретных исторических условий, в которых ему приходилось действовать. Он строил свои корабли на берегу дикого Охотского моря, где не было ни верфей, ни городов, ни сёл, он жил в эпоху политических бурь и интриг, и царь Пётр, который поставил перед ним великую задачу и один только мог бы защитить его, лежал в гробу. И не будь у Беринга свойств, за которые так охотно его осуждают, задача, стоявшая перед ним, быть может, осталась бы нерешённой. Один из лучших исследователей экспедиции Беринга, академик Бэр, был прав, сказав: у всякого другого, кто стал бы во главе столь громадного и необычайно трудного предприятия, всё дело неминуемо развалилось бы.

Старый честный моряк Витус Беринг, добрый и справедливый человек, почти два десятилетия прожил на краю света среди холодных пустынь, трудился не покладая рук, провёл свой деревянный кораблик через бурное неведомое море, проложил новый путь в Америку и, возвращаясь, героически умер на пустынной земле. И никто не отнимет у него его вечной славы.

Беринг умер последним. После смерти Беринга в экспедиции никто уже не умирал. Цинга шла на убыль, больные поправлялись. Но как поредела команда за время путешествия! Из 77 моряков, покинувших Петропавловск на «Петре», в живых оставалось только 46.

Теперь, когда не приходилось уже отдавать все силы на заботу о больных, решено было выяснить, что это за берег, на который их выбросила буря, можно ли посуху добраться до каких-нибудь населённых мест. Штеллер всё сильнее сомневался в том, что они находятся на Камчатке, но держал свои сомнения про себя, так как боялся, как бы его товарищи не пали духом.

В конце декабря на юг и на запад были посланы две маленькие экспедиции, которым поручено было попытаться отыскать сухим путём дорогу к Петропавловску или к какому-нибудь другому населённому месту. Во главе одной из них стоял Плениснер, во главе другой — Овцын.

Плениснер вернулся со своим отрядом через три дня. Он очень устал и едва дотащился до лагеря.

— Мы заблудились в холмах, — рассказывал он, — и целые сутки бродили по занесённым снегом ущельям. Нигде ни одного человеческого следа. Только песцы рыщут по обледенелым скалам. Мы прошли всю эту землю насквозь и вышли...

— Куда? — спросил Штеллер.

— К морю...

Эта весть опечалила всех. Стали ждать Овцына, но Овцын, вернувшийся на другой день, не принёс ничего утешительного.

— Нашли что-нибудь?

— Нет, — ответил Овцын, утомлённо опускаясь на камень возле костра. — Мы перебрались через цепь холмов и там — опять море. Назад мы вернулись берегом.

Оставалась только одна надежда: а вдруг эта земля соединяется с Камчаткой где-нибудь на севере? Если с севера — море, значит моряки попали на остров, притом остров необитаемый. Плениснер и Овцын во время своих скитаний по холмам не видели ничего, что указывало бы на пребывание человека в этих местах.

С севера горизонт заслоняла высокая гора. Она была гораздо выше всех окрестных холмов. Штеллер решил забраться на её вершину и посмотреть оттуда, что находится за ней. Захватив с собой Савву Стародубцева, взяв ружья и морских сухарей, он рано утром вышел из лагеря. Путь их сначала пролегал вдоль берега. Несколько раз они натыкались на большие стаи тюленей, вылезших из воды, чтобы отдохнуть на прибрежных камнях. Тюлени не обращали на путников никакого внимания и лениво поднимали головы, когда Штеллер и Савва наступали им на лапы. Штеллер вспомнил, как пугливы тюлени, которых видел на Камчатке, и чувствовал, что он и его товарищи гораздо дальше от населённых мест, чем они полагают.

Песцы шли следом за ними всю дорогу. Самки несли в зубах детёнышей, самцы дрались, кусая друг друга за уши, но не отставали ни на шаг. К ночи Штеллер и Савва достигли подножья горы и решили лечь спать. Развели костёр, поели и задремали. Через полчаса Штеллер вскочил, почувствовав боль в ноге. У ног его сидел песец. Он острыми зубками прогрыз голенище сапога и добрался до мяса.

Штеллер прогнал прожорливого зверька, заткнул дыру в сапоге тряпкой и вдруг заметил, что Савва спит без шапки.

— Где твоя шапка, Савва? — спросил Штеллер, толкая его в бок.

Савва схватился за голову.

Рядом стоял песец и держал шапку в зубах.

Шапка была меховая, мохнатая, сшитая из песцовой шкурки. Савва купил её на Камчатке. Песец таскал шапку осторожно и нежно теребил её передними лапками. Савва замахнулся на него дубиной, но песец вывернулся и побежал по снегу. Савва погнался за ним. Песец останавливался, бросал шапку и, стоя над нею, сверкающими глазами в упор глядел на своего преследователя. Но когда Савва подходил совсем близко и нагибался за шапкой, песец снова схватывал её и убегал.

— Стреляй в него, стреляй! — кричал Штеллеру Савва, теряя терпение.

Штеллер схватил ружьё и выстрелил в темноту.

Но песка уже не было.

Долго два человека бродили по снегу, кричали, стреляли, гонялись за неуловимым призраком с шапкой в зубах, то исчезающим, то появляющимся вновь.

Наконец, злые и усталые, они побрели назад к костру. Ветер шевелил волосы на голове Саввы, и ему было холодно.

Но, подойдя к костру, они увидели негодного песка, который крепко спал возле огня, положив острую мордочку на шапку. Штеллер убил его прикладом. Шапка Саввы была спасена.

Остальную часть ночи спали по очереди — один спал, а другой оберегал его сон от песцов.

Утром они полезли на гору. Склон был очень крут, и им часто приходилось карабкаться на четвереньках. Снега здесь не было — он не мог удержаться на таком крутом скате, ветер сметал его вниз. Камешки вырывались из-под ног и со звоном исчезали внизу. Иногда путники отдыхали на узких террасах, окружавших гору словно поясами. На этих террасах Штеллер находил наносный лес, окаменевший от времени, и удивлялся, каким образом могли попасть эти плавучие брёвна в места, лежащие так высоко над уровнем моря. Но он увидел застывшую лаву и понял всё. Эта гора была создана землетрясением. Могучий вулканический толчок поднял вверх часть берега вместе с лежавшим на нём наносным лесом.

Поднявшись выше, они чуть не увязли в рыхлом птичьём помёте, на целый аршин покрывавшем склон горы. Очевидно, каждым летом здесь гнездились стаи морских птиц.

В три часа дня они уже стояли на большом плоском камне,

который был вершиной горы. Но — вот неудача — внизу под ними клубился серый туман. Вершина возвышалась над туманом, как одинокая скала над океаном. Ничего нельзя было разглядеть.

— Подождём, — сказал Штеллер.

И они сели.

На вершине был мороз. Штеллер не мог разжать окоченевших рук. Но он чувствовал, что ветер крепчает и скоро прогонит туман. Лишь бы только туман рассеялся раньше, чем начнёт темнеть. Зимой темнеет очень рано.

— Смотри, смотри! — закричал Савва. — Я вижу море.

Налетевший ветер рвал пелену тумана. В серой завесе образовалась узкая щель, в которой блестела вода. Щель эта всё росла и расширялась. По краям её туман топорщился и лопался, как морская пена. Вот уже видны прибрежные скалы, вот засверкали покрытые снегом верхушки холмов. Вот выброшенный на берег разбитый остов «Петра» — каким он маленьким кажется отсюда! Вот дымки костров, разведённых в их лагере на побережье. Вот уже открылся и горизонт. Облако тумана далеко унесено ветром и повисло на востоке серой тучей.

Штеллер посмотрел во все стороны.

— Мы на острове, — произнёс он. — Посуху отсюда не уйдёшь.

Земля, на которую их вынесло бурей, была большим гористым островом. Вокруг всюду блестело море.

Наступили сумерки.

Озябшие путники медленно побрели вниз.

19. ЗВЕРЬЁ

— Предлагаю остров, на котором мы находимся, назвать островом Беринга, — сказал Ваксель, когда офицерский совет выслушал донесение вернувшегося Штеллера. — А самую высокую гору на этом острове — горою Штеллера.

Хитров занёс это постановление в журнал.

Теперь стало ясно, что о немедленном возвращении домой не могло быть и речи. Берег, на который их выбросило бурей, стал им тюрьмой, и нужно было поудобнее устроиться для жизни в этой тюрьме, потому что жить в ней предстояло долго.

После смерти Беринга командование принял Ваксель — старший по чину. «Хотя в то время я лежал совершенно обессиленный от болезни, — пишет он в своих записках, — мне всё же пришлось приняться за дело. Я решил руководить командой по возможности кротко и мягко, поскольку жестокость и строгость были бы при таких обстоятельствах совсем неуместными и не привели бы ни к каким результатам. Это было мне, между прочим, поставлено в вину некоторыми офицерами, которые говорили мне в лицо, что я, как командир, не соблюдаю регламентов и указов. Так, когда некоторые больные уже начали вставать и ходить самостоятельно, а иные ещё только стали садиться, то они развлекались игрой в карты. Это обстоятельство и было поставлено мне в вину, как поступок, нарушающий приказ её императорского величества. Мне, как командиру, надлежало, по их мнению, запретить игру в карты. Я возразил на это, сказав, что когда издавался указ о запрещении карточной игры, то не имели при этом в виду наш пустынный остров, потому что он в то время ещё не был открыт».

Раньше всего нужно было позаботиться о пропитании. Морские сухари все были съедены, но в их распоряжении оставалось ещё довольно много ржаной муки, которую Штеллер успел свезти на берег за несколько дней до бури, разрушившей корабль. Третью этой муки зарыли в особой землянке, на самый крайний случай, а остальную решили выдавать по маленьким порциям. Потом принялись за охоту.

Вначале, когда Беринг был ещё жив, охотился один художник Плениснер — опытный и страстный охотник. Но, конечно, куропатками, которых он убивал, нельзя было прокормить 46 голодных моряков. Поэтому ему в подмогу отобрали отряд в восемь человек и предложили ему охотиться на более крупную дичь.

Раньше всего они взялись за тюленей. Тюлени в ясные дни

большими стаями вылезали на берег и по многу часов неподвижно лежали, подставляя бока негреющему зимнему солнцу. Охотники нападали на них с дубинами в руках. В первую минуту тюлени не обращали на охотников никакого внимания. Но затем всё стадо устремлялось в бегство. Самцам обычно удавалось убежать, но самки, которые не решались покинуть своих медленно ползущих детёнышей, становились жертвами охотников.

Тюлени эти принадлежали к породе морских котиков, и шкуры их очень дорого ценились на европейских рынках. Но нашим охотникам было не до шкур. Шкуры они отдирали и бросали, а туши тащили в лагерь. Сначала моряки пытались варить и есть тюленьё мясо, но оно оказалось совершенно несъедобным. Зато на тюленьем жиру можно было печь оладьи. А мясо они швыряли прожорливым песцам.

Из-за этого мяса песцы ещё охотнее стали собираться вокруг лагеря. Некуда было деться от вороватых нахальных зверьков. Лагерь был похож на крепость, которую днём и ночью осаждало многотысячное войско. От песцов ничего невозможно было уберечь. Если человек хотел оставить себе на завтра убитую перепёлку, он должен был лечь спать на неё. Но и это не всегда приводило к цели — песцы умудрялись выкрасть перепёлку и из-под спящего. У моряков было несколько бочек с солёной свининой, которую они оставили про запас. Однажды Хитров заметил, что верхняя крышка одной из бочек проломлена и часть мяса исчезла. Он заложил дыру доской и положил на доску трёхпудовый камень. Но в ту же ночь песцы совместными усилиями спихнули камень, отодвинули доску и сожрали всю солонину без остатка.

Зима стояла довольно тёплая, сильных морозов не было, но парусина, покрывавшая землянки, была так тонка, что люди по ночам сильно зябли. Штеллер долго думал над тем, как сделать землянки потеплее.

Наконец он вырыл довольно глубокую яму, убил одного песца и бросил его на дно. И все песцы, стоявшие вокруг, кинулись в яму, чтобы сожрать своего убитого сородича. Яма доверху наполнилась пушистыми зверьками. Тут, по знаку Штеллера, на них набросилось десять человек с дубинами в руках. Через несколько минут из ямы вытащили около сотни песцовых трупов. мехом убитых песцов покрыли землянки поверх парусины, и там сразу сделалось тепло.

Ваксель пишет:

«Ржаную муку, которую каждый из нас получал в

небольшом количестве, мы не могли использовать для печения хлеба, а готовили из неё лепёшки следующим образом: муку замешивали на тёплой воде в деревянной посудине, оставляли её стоять два-три дня, пока тесто не начинало бурно бродить, то есть скисало. Затем несколько ложек теста клались на сковородку и поджаривались на жире. Эти лепёшки нам казались необыкновенно вкусными. Приходилось, однако, распорядиться ими экономно и не роскошничать, а рассчитывать свой запас так, чтобы дважды в день съедать понемногу.

Мне в особенности приходилось тяжело, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет Лоренц Ваксель. Ему, конечно, хотелось съедать такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки.

Немалые страдания, вдобавок ко всем прочим бедствиям, мы переносили от того, что всё время испытывали недостаток в топливе. Это побуждало нас иногда поедать наши деликатесы почти сырыми. Приходилось ходить по берегу по две-три мили в поисках, не найдётся ли выброшенного морем бревна или другого какого-нибудь обломка дерева, словом, чего-нибудь пригодного для топлива. Тот, кому удавалось найти плавник, сразу бежал домой и извещал своих сожителей по землянке; те с громадной радостью вооружались топорами и верёвками и отправлялись на место. Каждый нарубал себе вязанку такой величины, какую только в состоянии был нести на спине, и доставлял её домой».

7 февраля Штеллер сидел у себя в землянке и ел копчёную рыбу с горячей лепёшкой. Он уже собирался лечь и немного вздремнуть после обеда, как вдруг услышал странный подземный гул. Стены землянки зашатались, пол стал уходить из-под ног, песок посыпался на голову. Штеллер одним прыжком выскочил из своего жилища на воздух.

Вершины окрестных гор колебались, чертя в небе широкие петли. Вниз, в долины, скатывались снежные глыбы, камни и целые скалы. Земля под ногами тряслась, как крышка чайника, в котором кипит вода. Штеллер взглянул на море. Море было неподвижно и гладко. Это поразило его. Он привык видеть море колеблющимся, а сушу спокойной.

Землетрясение продолжалось две-три минуты, но натворило множество чудес и бед. Вид окрестных холмов совсем изменился. Одни стали выше, другие ниже, третьи покосились набок. Снежные шапки, украшавшие их вершины, съехали набекрень. В долинах повсюду поверх снега валялись большие чёрные камни. Землянки моряков засыпало песком почти доверху. В них осталось много провизии, утвари, оружия и одежды. Хитров был очень взволнован исчезновением корабельного журнала, в котором была записана вся история путешествия. Плениснер жаловался, что у него погиб порох.

— Он, должно быть, смешался с песком, — жаловался бедный охотник. — Как же мы теперь будем стрелять зверей?

Даже лопаты были погребены на дне землянок, так что раскопки приходилось начинать голыми руками. К счастью, никто из людей не пострадал от этого обвала.

Но мало-помалу землянки были вырыты заново, и все вещи спасены. Корабельный журнал нашёлся, но порох пришлось очищать от песка по зёрнышку.

Через несколько дней после землетрясения в лагерь вбежал Овцын и закричал:

— К нам принесло мёртвого кита!

Все выбежали на берег.

Кит лежал возле самой воды, подняв к небу вздутое белесое брюхо. Огромная пасть, в которой свободно могла поместиться целая лошадь, была широко раскрыта. Это чудовище имело больше двадцати метров в длину и казалось горой, тяжело придавившей прибрежный песок. Кит умер недавно и был ещё совсем свежий. Под кожей у него находился толстый слой жира. Это было очень кстати, потому что тюлени за последнее время попадались редко и жиру не хватало.

Моряки обступили кита со всех сторон кто с ножом, кто с киркой, кто с лопатой. Они раскапывали его, как гору. Вырыв пещеру в несколько метров глубиной, они разводили там костёр. Жир таял и тёк крепко пахнущими потоками в заранее поставленные бочки.

Но не одним только людям пришёлся по вкусу этот неожиданный подарок океана. Небо над исполинским трупом колыхалось, как чёрная сеть, от галдящих кружащихся птичьих стай, привлечённых запахом мяса. Однако самыми серьёзными соперниками людей были, конечно, песцы. Их своры и днём и ночью копошились в мёртвом ките. Для охраны мяса от песцов люди приставили к киту стражу, которую сменяли каждые три часа. Впрочем, песцы были слишком проворны и многочисленны. Они не только наедались до отвала, но то, что не могли съесть,

тащили к себе в норы в глубь острова и прятали про запас.

Тем не менее мяса и жира в ките было так много, что его хватило на всех — и на людей, и на зверей, и на птиц. До конца мая, в течение трёх месяцев, моряки не испытывали нужды в мясе. Кит сытно кормил их. Они называли его своим провиантским магазином. Но когда пригрело весеннее солнце, труп начал портиться, и его пришлось оставить.

20. НОВЫЙ «ПЁТР»

Наконец растаял снег, с гор хлынули мутные бурные потоки, долины зазеленели травой, появилось множество новых птиц.

«Как только сошёл снег и из земли показались зелёные растения, — пишет Ваксель, — мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъюнкт Штеллер, отличный ботаник, который собирал растения и указывал нам разнообразные травы; из них мы готовили чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошёл в полную силу, пока не стал получать в пищу зелень, травы и корни».

О необычайных способностях Штеллера и о его преданности науке свидетельствует то, что он в труднейших условиях составил каталог растений острова Беринга, описав двести восемьдесят различных видов.

Весна принесла морякам невыносимую тоску, они чувствовали, что не в состоянии больше томиться в этой просторной скалистой тюрьме, и тысячи планов освобождения появлялись в их головах.

Штеллер снова взобрался на гору и на этот раз, вернувшись, рассказывал, что видел на западе очертания каких-то берегов.

— Это Камчатка! — убеждённо уверял он. — Мы не можем быть далеко от Камчатки!

Надежды разгорались всё жарче. Пошли разговоры о постройке огромного плота с парусом, на котором вся команда могла бы доплыть до желанной Камчатки.

Но ведь плот движется медленно, и даже при попутном ветре нам придётся плыть, может быть, несколько месяцев, — сомневались недоверчивые.

— Не беда! — возражали сторонники плота. — Пусть хоть несколько месяцев. Мы возьмём с собой много провизии и к осени доплывём.

— Из чего же строить такой огромный плот?

— Из остатков «Петра» и из наносного леса.

Но скоро появился другой план, гораздо более выполнимый и перетянувший на свою сторону большинство. Овцын предложил построить большую лодку, на которой несколько человек могли бы добраться до Камчатки и оттуда прислать судно для спасения остальных.

— В Петропавловске наши посланцы встретят Чирикова,

который, верно, давно уже там, и он придёт за нами на своём «Павле».

Этот проект казался простым и выполнимым. Но всех начал волновать вопрос: кто будут те счастливы, которые уплывут с Берингова острова в лодке и которым не придётся дожидаться помощи? Ведь помощь, верно, придёт только будущим летом! Каждому хотелось уплыть поскорее, никто не желал оставаться. Матросы и казаки боялись, что в лодке уплывут офицеры и оставят их на произвол судьбы. Начались споры, подозрения, лагерь тайно волновался.

Чтобы всех успокоить и до всего договориться, Хитров и Ваксель 5 мая созвали на совет всех обитателей лагеря. На этом совете они оба выдвинули новый план, более трудный, чем предыдущие, но зато более верный и никого не обижающий.

— Друзья! — сказал Хитров. — Никто не может нам поручиться, что земля, которую Штеллер видел с горы, действительно Камчатка. Это, может быть, такой же пустынный остров, как тот, на котором мы находимся. В таком случае никакая лодка нам не поможет. А о плоте нечего и думать. Нам нужно построить корабль.

— Корабль! — раздался голоса. — Это невозможно!

— Это вполне возможно. У нас есть отличный материал — остов «Петра». Мы построим небольшой кораблик. Он будет тесен и неудобен, но ведь нам он нужен только для одного рейса. Днище мы законопатим сухим мхом и вместо смолы вымажем китовым жиром. К июлю наш корабль будет готов, и мы уйдём, никого не оставив на острове.

Предложение было принято, но возник вопрос: кто достаточно сведущ в корабельном деле, чтобы руководить постройкой судна? На «Петре» было три отличных плотника, но все они умерли от цинги. Чертежи мог вычертить Хитров. Однако без плотников ничего нельзя было сделать.

Нужен был хотя бы один человек, который мог бы показать остальным, как взяться за работу.

Тут вышел вперёд Савва Стародубцев и сказал, что он родом из Красноярска, а красноярцы все прирождённые плотники.

— Берёшься построить корабль? — спросил его Хитров.

— Если мне всё вычислят и дадут чертежи — берусь.

Штеллер вызвался помочь Хитрову делать чертежи. К работе было решено приступить завтра же. Все с надеждой говорили о предстоящей постройке корабля. Но Хитров опасался, что впоследствии, когда работа окажется трудной и будет не ладиться, моряки станут обвинять его и Вакселя в том, что они втавили их в это предприятие. Чтобы избежать будущих

нареканий, он взял лист бумаги, написал на нём решение совета и предложил всем присутствующим расписаться. Грамотные расписывались, а неграмотные — их было большинство — поставили кресты.

На следующий день все пошли разбирать остов «Петра». Бедный корабль имел жалкий вид. Подводные камни превратили его дно в решето, мачты были сломаны, обшивка сорвана. Но брёвна его скелета были плотны и крепки.

Работали усердно и дружно. Многие даже на ночь не возвращались в лагерь и, разведя костры, спали тут же у корабля.

Лето пришло дождливое, но тёплое. Все думали только о работе. На охоту не оставалось времени, и запасы быстро иссякали. Муку экономили как могли, потому что её должно было хватить до самого Петропавловска. Жили впроголодь, но никто не ворчал, не отчаивался — все мысли были заняты работой.

Дни становились длиннее, ночи уменьшались, и моряки радовались этому, потому что можно было раньше приходиться на работу и позже уходить. Топоры стучали с утренней зари до вечерней. Всем распоряжался Савва. Бородатый, величавый, спокойный, он оказался настоящим мастером плотничьего дела. Все беспрекословно повиновались ему — и офицеры и простые моряки.

Штеллер собирал мох, чтобы конопатить судно. Он собрал несколько десятков пудов мха и для сушки его построил на берегу особую печь.

Несмотря на всё усердие, работа подвигалась медленнее, чем предполагали. Только в середине июня начали обшивать брёвна досками. А когда принялись вымазывать днище жиром, то тут выяснилось, что китового жира, оставшегося в кладовой, на это не хватит. Летом почти нечего было есть, и голодные моряки так густо вымазывали этим жиром свои мучные лепёшки, что он быстро истощился. Жир нужно было достать немедленно, и не только для того, чтобы вымазать им корабль, но и чтобы было что есть во время предстоящего плавания.

Как назло, тюлени, которых уже весной стало мало, летом совсем исчезли. Штеллер давно уже замечал невдалеке от берега толстых странных животных, широко разевавших рты и глотавших тину. Животных этих можно было бы принять за исполинских рыб, если бы они не подымались на поверхность каждые десять минут, чтобы подышать воздухом. И Штеллер решил, что заинтересовавшее его животное — китообразное млекопитающее, которое хотя живёт в воде, как рыба, но не имеет жабр и кормит детей молоком. Штеллер не встречал описания этого животного ни в одном зоологическом сочинении и назвал

его «морской коровой». Название было меткое, потому что чудовище это двигалось медленно, словно пасущаяся корова, и постоянно жевало морскую траву.

Морские коровы не водились нигде, кроме прибрежных вод острова Беринга. Во второй половине восемнадцатого века морские коровы были полностью истреблены, и потому так ценны их описания, сделанные спутниками Беринга.

Штеллер рассказал о своём открытии товарищам, и те решили устроить охоту на морских коров, чтобы достать жир, так им необходимый.

Выполнение этого плана поручили Плениснеру. Плениснер из палки и большого гвоздя устроил гарпун, привязал к нему верёвку, сел в шлюпку вместе с двумя гребцами и отправился на промысел.

Вначале его постигла неудача. Правда, морская корова подпустила шлюпку очень близко к себе, доверчиво высунув из воды голову и огромную спину. Но когда гарпун по рукоятку вонзился в неё и Плениснер крепко сжал в руке верёвку, она рванулась вперёд с неистовой быстротой и повлекла за собой шлюпку. Через мгновение шлюпка перевернулась, охотники оказались в воде, а морская корова вместе с гарпуном и верёвкой исчезла в глубине, оставив за собой в волнах розовый кровавый след.

Кое-как выбравшись на берег и вытащив шлюпку, Плениснер тотчас же принялся устраивать новый гарпун. Он на этот раз привязал к нему морской канат длиной в двадцать метров. Конец этого каната держали двадцать два моряка. Моряки остались на берегу, а Плениснер с гарпуном в руках сел в шлюпку всё с теми же двумя гребцами и отправился на охоту. Канат медленно разматывался, волочась по воде.

Вскоре Плениснер заметил вторую морскую корову, которая, казалось, была ещё больше, чем первая. Он осторожно приблизился к ней и швырнул гарпун. Чудовище с такой силой рванулось вперёд, что моряки, стоявшие на берегу и державшие конец каната, попадали на землю. Но канат они не выпустили. Животное, истекая кровью, металось из стороны в сторону, подымало высокие волны, подсакивало в воздух, ныряло в глубину, однако уйти не могло. Крепкий канат не отпускал его. Моряки кувыркались по прибрежному песку, не в силах устоять на ногах, но твёрдо держали свою добычу. Животное ослабевало с каждой минутой, и сильные руки моряков подтягивали его к берегу.

Прошло не меньше трёх часов, прежде чем они выволокли морскую корову на берег. Огромный хвост, способный одним

взмахом убить быка и переломать кости слону, едва колебался. Чудовище громко и тяжело вздыхало. Кричать оно не могло — у подводных животных нет голоса.

Эта морская корова доставила команде двести пудов жира и мяса. Мясо оказалось нежным и вкусным. Жир тоже был много лучше китового. Этот жир целиком пошёл на смазку корабля.

10 августа новый корабль, наконец, был спущен на воду. Он был мал и неуклюж, имел всего одну мачту, всего две каюты, да и то одну из них пришлось переделать под кухню. Но моряки не могли им налюбоваться. Ведь он отвезёт их домой, вырвет из плена.

— А как мы назовём наш корабль? — спросил Ваксель Савву Стародубцева.

Савва отложил в сторону топор и задумался.

— Назовём его «Пётр», — сказал он, — в честь доброго старого «Петра», из костей которого мы его построили.

21. ИЗБАВЛЕНИЕ

Торопливо грузили моряки свой новый корабль. Бочки с жиром морской коровы, бочки с пресной водой, бочки с мукой — всё нужно взять, потому что кто знает, сколько им ещё придётся пробыть в дороге.

Потом вспомнили о песцовых шкурках: здесь, на острове, они не имели никакой цены, но на Камчатке за них дадут большие деньги. А шкурок накопилось множество. Один Штеллер вёз их больше пятисот штук.

Когда погрузка была кончена, моряки простились с островом, на котором они прожили девять месяцев, взошли на нового «Петра» и подняли паруса. «Пётр» неторопливо поплыл вдоль скалистых берегов на запад.

Сорок шесть человек едва уместались на маленьком судёнышке. Теснота мешала работать. Половина команды принуждена была безвыходно сидеть на палубе, потому что каюта не могла всех вместить. Но никто не ссорился, не ворчал, каждый безропотно сносил все неудобства.

Берега медленно таяли вдали, «Пётр» вышел в открытое море. Вот скрылись последние утёсы этого мрачного острова, на котором похоронено столько их товарищей, и только острая верхушка горы Штеллера сияет ещё на горизонте. Но скоро и её закрыло пушистое облако тумана.

Савва Стародубцев хорошо сделал своё дело. «Пётр» шёл легко и быстро, и управлять им было нетрудно. 18 августа началась довольно сильная буря, но корабль вынес её спокойно и стойко.

25-го впереди увидели землю. Это была Камчатка, сомневаться было невозможно. Они узнали её по хорошо знакомым очертаниям гор.

Моряки плакали от счастья, как дети.

Через два дня они вошли в Авачинскую губу и подошли к Петропавловску. Все жители вышли им навстречу.

— А где же Чириков? — спросил Штеллер, взволнованно ища глазами высокие мачты «Павла».

— Чириков ушёл в Охотск, — ответили ему. — Он всё лето плавал на «Павле» по морю, надеясь найти вас. Он обыскал каждый закоулок камчатских берегов. Ему не верилось, что вы погибли, и, уходя в Охотск, он оставил для вас большой запас провизии.

Это было очень кстати. Только теперь, когда все мытарства кончились, моряки почувствовали, как они устали и

изголодались.

— А Чириков тоже побывал в Америке? — спросил Штеллер.

— Конечно, — ответили ему.

22. ЧИРИКОВ В АМЕРИКЕ

Как же добрался до Америки Чириков? Что случилось с ним и с его подчинёнными после того, как «Павел» разлучился с «Петром»?

Это злополучное разлучение судов произошло 20 июня 1741 года. «Павел» в течение суток кружился на одном месте, надеясь найти пропавшего «Петра». Наконец Чириков решил, что Беринг ушёл вперёд, и приказал плыть на восток.

15 июля раздался крик:

— Горы! Горы!

На горизонте показались синие вершины гор, которые быстро росли и приближались. Перед сумерками «Павел» подошёл к заросшему лесом скалистому берегу.

Чириков достиг Америки на целые сутки раньше Беринга — таким образом первооткрывателем северо-западного американского побережья следует считать не Беринга, а Чирикова. Чириков увидел американский берег под 55°36' северной широты — на три градуса южнее, чем Беринг, — следовательно, их корабли никак не могли здесь встретиться.

Чириков тотчас же послал шлюпку поискать удобную якорную стоянку. Но шлюпка ничего не нашла — вдоль берега тянулась широкая мель, к которой кораблю подходить было опасно.

16 июля весь день шли к северу, не теряя из виду земли и подробно занося берег на карту. 17-го увидели довольно большой залив. Чириков вызвал штурмана Абрама Михайловича Дементьева и сказал:

— Возьми десять человек, садись в большую шлюпку и плыви в залив. Если там настолько глубоко, что вслед за вами может пройти «Павел», дай залп. Высадись на берег и поищи жителей. Узнай у них, как называется эта земля, под чьей она властью, посмотри, много ли в ней живёт людей. Если жители окажутся враждебны — дай три залпа из ружей и сразу греби к судну. Я вас жду не позже темноты.

Для подарков жителям в шлюпку положи два котла — один медный, другой железный, — три бочонка стеклянных бус, иглы и китайские материи. Шлюпку спустили на воду, и в неё село одиннадцать моряков.

— Вырой на берегу яму! — кричал Дементьеву Чириков. — Может, там найдёшь какую-нибудь драгоценную руду.

И швырнул в шлюпку сверкающий камешек — кусочек серебряной руды для образца.

Белесый туман, стлавшийся над водой вдоль берега, скоро поглотил шлюпку. Но с корабля долго ещё были слышны мерные всплески вёсел и бодрые голоса матросов.

Чириков ждал условленного залпа, но не дождался. «Верно, в заливе мелко, и „Павлу“ туда не пройти», — думал он.

Днём он был спокоен, но когда вечером Дементьев не вернулся, он слегка встревожился.

— Дементьев не пропадёт, он человек толковый, — успокаивал капитана его друг штурман Елагин. — Если он остался на ночь на берегу, значит нашёл там что-нибудь важное и полезное. Завтра утром они все будут здесь.

Но прошло утро, потом пообедали, снова день стал клониться к вечеру, а Дементьев не возвращался. Легли спать, наступило новое утро. Чириков приказал палить из всех пушек. Он думал, что посланные на берег люди заблудились где-нибудь в лесу, и хотел пушечной пальбой дать им возможность найти дорогу. Но грохоту пушек отвечало только дальнейшее лесное эхо. Кругом было пусто и безмолвно по-прежнему.

Тогда Чириков попробовал ввести «Павла» в залив, чтобы попытаться понять, что там произошло. «Павел» медленно шёл по широкому проливу, соединяющему залив с океаном. На носу стоял матрос и лотом измерял глубину. Глубина уменьшалась с каждой минутой. Наконец «Павел» принуждён был остановиться и повернуть назад.

Так прошла неделя — мучительная неделя тревог и ожиданий. 23 июля в вечерних сумерках на берегу заметили огонь как раз в том месте, где должен был высадиться Дементьев.

— Это наши! — сказал капитану Елагин. — Они развели костёр, чтобы позвать нас на помощь.

Чириков приказал снова дать пушечный залп.

Но с берега не ответили.

На «Павле» тревога всё возрастала. Что случилось с Дементьевым и его товарищами? Абрама Дементьева очень любили. Петербургский академик восемнадцатого века Герард Миллер, хорошо знавший всех участников экспедиции, писал о нём впоследствии: «Это был человек молодой, прекрасный, добродетельный, опытный в своём ремесле и ревностный к службе отечества».

— У них, верно, дикари отобрали ружья, — сказал Елагин. — Необходимо немедленно послать кого-нибудь им на помощь.

На «Павле» оставалась только одна маленькая шлюпка, в которой могло поместиться всего несколько человек. Боцман Сидор Савельев предложил отправиться в ней на берег.

— Дайте мне в подмогу плотника и конопатчика, — сказал

он. — Мы починим большую шлюпку, если она нуждается в починке, и привезём всех на корабль.

В шлюпку положили бочку с провизией, чтобы подкрепить силы оставшихся на берегу, и спустили на воду. В неё сели четыре человека — боцман Савельев, плотник, конопатчик и матрос.

— Чуть высадитесь на берег — стреляйте! — крикнул им Чириков. — Тогда я буду знать, что вы добрались благополучно.

Шлюпка скрылась в темноте. Чириков не спал всю ночь и ждал выстрела. Но не дождался. Было по-прежнему тихо, и только огонёк костра всю ночь пылал на берегу. Вторая шлюпка исчезла так же бесследно, как и первая.

На «Павле» больше не было шлюпок. Чириков прождал ещё несколько дней, но безрезультатно. Тогда он приказал открыть по берегу артиллерийский огонь. С рёвом полетели в лес чугунные ядра, и в подзорную трубу было видно, как рушились вековые сосны и кедры. «Павел» поднял паруса и пошёл вдоль берега к северу, оставив позади тайну гибели пятнадцати человек.

Чириков больше не пытался высаживаться на американский берег, потому что без шлюпок сделать это было невозможно. А между тем пресной воды на «Павле» оставалось совсем мало. Так как не было никакой надежды запастись водой в Америке, Чириков поспешил обратно к Камчатке.

На обратном пути он открыл всю цепь Алеутских островов, кроме острова Беринга, которого не заметил. На одном острове он нашёл превосходную гавань и вошёл в неё. Алеуты обступили корабль в своих лёгких кожаных байдарках. Моряки, страдая от жажды и не имея возможности съехать на берег, знаками просили алеутов привезти им пресной воды, предлагая за это любые сокровища. Несколько молодых островитян с раскрашенными лицами подвезли к кораблю тюленью кожу, доверху наполненную водой, но не хотели отдать её, пока им не заплатят. Матросы бросили островитянам несколько стальных ножей. Алеуты спрятали ножи за пазухи, вылили пресную воду в море и уехали.

Печально и тяжело было возвращение «Павла» из Америки. Кашу варили только раз в неделю, потому что на неё уходило слишком много воды. Каждый день кто-нибудь умирал от цинги или от жажды. 9 октября «Павел» вошёл, наконец, в Петропавловскую гавань. Пушечным выстрелом вызвали на помощь шлюпку. Из 75 человек, отправившихся в плаванье с Чириковым, вернулось только 49.

23. КАК ВСЁ ОКОНЧИЛОСЬ

Идёт уже третье столетие с тех дней, когда 15 моряков «Павла» высадились в Америке и не вернулись на корабль, а тайна их гибели так и остаётся тайной. О постигшей их судьбе строилось много предположений. Современники наиболее вероятным считали, что они были убиты жителями Америки. Ваксель, слышавший рассказ о гибели Абрама Дементьева и его товарищей от самого Чирикова, писал: «Можно предполагать с полным основанием, что, когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой. Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь...»

Таково долго было мнение всех писавших об этом: моряки, вероятнее всего, попали в засаду и были убиты местными жителями. Но со временем, когда русские хорошо познакомились с народом, населявшим те места, мнение это стало колебаться. Побережье, к которому подошёл «Павел», было населено тлинклитами — миролюбивым народом охотников и рыболовов. Впоследствии, когда русские стали часто бывать в этих местах, между ними и тлинклитами установились самые добрые отношения. Подобного рода ничем не вызванное коварство было тлинклитам вовсе несвойственно. Стало казаться странным, чего ради было им нападать на явившихся с моря неведомых чужеземцев, не проявлявших никакой враждебности. Кроме того, вооружены тлинклиты были луками и копьями, а русские моряки — ружьями и представляли собой боевую силу, с которой расправиться было не просто. Да и вряд ли вели они себя так беспечно в чужой, неведомой стороне...

Позднейшим исследователям вопроса казалось более вероятным, что обе шлюпки «Павла» погибли в водовороте. Во время прилива у берегов Северо-Западной Америки воды океана с такой силой устремляются в бухты, в устья рек, в протоки между прибрежными островами, что образуют в узких местах kloкочущие воронки, способные затянуть на дно даже целые корабли. Через полстолетия после путешествия Чирикова в тех же примерно местах в водовороте погибли шлюпки французского мореплавателя Лаперуза... Может быть, так оно и было. Достоверно мы этого никогда уже не узнаем. Слишком много воды утекло...

Вторая Берингова экспедиция длилась одиннадцать лет — с 1733 года по 1744. После смерти Беринга начальником экспедиции был назначен Мартын Шпанберг. В последние годы своего существования экспедиция была занята главным образом исследованием сибирских берегов Ледовитого океана и добилась замечательных результатов.

Особенно успешен был поход отряда Харитона Лаптева, исследовавшего побережье между Леной и Енисеем. Правда, Харитону Лаптеву не удалось обогнуть морем полуостров Таймыр, — льды оказались для корабля непроходимыми, — но зато его штурман Челюскин удачно проделал весь этот путь по берегу на собаках и в феврале 1742 года открыл мыс, оказавшийся самой северной оконечностью азиатского материка и с тех пор называющийся мысом Челюскин.

Двоюродный брат Харитона Лаптева Дмитрий Лаптев в 1739 году двинулся со своим отрядом из устья Лены на восток с целью доплыть до того места, где Ледовитый океан соединяется с Тихим, то есть до Берингова пролива. Поход его продолжался три года, и всё же ему не удалось пройти на восток дальше устья Колымы. Таким образом и Дмитрию Лаптеву не удалось окончательно доказать, что пролив между двумя океанами существует. И всё же, благодаря походам Овцына и обоих Лаптевых, на карту оказалось положенным побережье Северной Сибири на огромном протяжении от устья Оби до устья Колымы.

За то долгое время, пока Беринг и его товарищи, выполняя приказ давно умершего Петра, волокли грузы через Сибирь, строили корабли, плавали в Японию и в Америку, открывали неведомые острова, в другом конце России, в Петербурге, произошло множество событий. Там шла глухая упорная борьба за власть над всем этим громадным пространством от Балтийского моря до Тихого океана. Это уже была не просто борьба двух партий — древней знати и петровских выскочек. Она осложнилась появлением третьей могучей партии — партии немецких прибалтийских баронов.

Пётр присоединил к России прибалтийские провинции, ничего, в сущности, не изменив в их внутреннем строе. Эти области, как и теперь, населены были эстонцами и латышами, но и эстонцы и латыши находились в рабстве у немецких баронов, которым принадлежала вся земля. Так было, когда Прибалтикой владел Ливонский орден, так было, когда её захватили шведы, так осталось, когда она перешла под власть русского царя. Прибалтийским немецким баронам было всё равно, кого считать своим властелином — Карла XII или Петра I, — лишь бы в их поместьях всё оставалось по-прежнему. Русского царя они даже

предпочитали, — присоединение к России открывало им дорогу в огромную страну, и выжимать соки из русских было ещё выгоднее, чем из эстонцев и латышей. Тем более что новая столица России — Петербург — находилась совсем близко от их поместий.

Императрица Анна, разгромив при восшествии на престол партию старинной русской знати, клялась продолжать дело своего великого дяди, но, в сущности, была враждебна и Петру и его уцелевшим сподвижникам. Ей нужно было на кого-нибудь опереться, и оперлась она на немцев — прибалтийских баронов. Её любовник Бирон, немец из Митавы, правил всем государством, и все крупнейшие должности в стране заняли немцы. Это были не те немцы — ремесленники, корабельщики, учёные, — которые, подобно Георгу Штеллеру и многим другим, ехали в Россию, чтобы найти применение своему мастерству и своим знаниям.

Прибалтийские бароны были невежественные чванливые феодалы, ничему не способные научить, искавшие только власти и богатства. За время царствования императрицы Анны они постепенно завладели всей государственной машиной России. Они стремились закрепить за собой власть навсегда и воспользовались тем, что Анна очень боялась, как бы после её смерти русский престол не достался дочери Петра Елизавете.

Анне хотелось, чтобы императорская корона осталась в роду её отца, Петрова брата Иоанна. У неё была племянница Анна Леопольдовна, дочь её родной сестры Екатерины Иоанновны, выданной когда-то замуж за одного мелкого немецкого князька. Эта племянница была уже замужем — тоже за мелким немецким князьком, — и Анна Иоанновна выписала её в Петербург вместе с мужем. В Петербурге у них родился сын, названный в честь прадеда Иоанном, и Анна Иоанновна провозгласила новорождённого своим наследником.

В 1740 году Анна Иоанновна умерла, и младенец, которому не было ещё и года, стал императором. Его мать Анну Леопольдовну объявили правительницей, а власть по-прежнему оставалась в руках всё тех же прибалтийских немцев.

Гвардия, офицерство которой состояло из русских дворян, была этим недовольна. И поздней осенью 1741 года дочь Петра Елизавета в гвардейском преображенском мундире, который очень шёл ей, явилась в гвардейские казармы, подняла мятеж, свергла младенца императора, его родителей и всю немецкую клику и провозгласила себя императрицей. Это произошло в ночь на 25 ноября — как раз тогда, когда Беринг, полузасыпанный песком, лежал, умирая, в яме на пустынном острове.

Уцелевшие участники плавания на «Петре» и «Павле» недолго

оставались на Камчатке. Одни стремились поскорее повидать своих жён и детей, другие хотели служить в каком-нибудь более заметном месте, чтобы быть на виду у начальства и скорее получить повышение, третьи просто мечтали побывать в родных местах. Все одинаково устали, одинаково соскучились по мирной спокойной жизни и с первой же возможностью поспешили в Охотск, а оттуда в Россию. Сохранилось письмо Чирикова к одному влиятельному лицу в Петербург, в котором Чириков просит, чтобы его взяли «в Петербург, дабы я в здешних дальностях вовсе покинут не был, в которых уже многое время прожил во всяких прискорбностях и недовольствах и дабы я не был отдан в настоящей отдалённости в команду и в руки крайнему моему неприятелю капитану Шпанбергу».

Один неутомимый Штеллер не хотел возвращаться. Он построил себе в Петропавловске избу и прожил в ней два года, занимаясь охотой, собиранием растений, черчением карт, изучением обычаев и языка камчадалов. Дикая нелюдимая жизнь была ему по душе.

В Петропавловске жил казачий атаман по фамилии Хметевский, забулдыга и пьяница. Этому Хметевскому было поручено собирать налог с камчадалов. Он нещадно разорял всю страну, брал взятки и прокучивал свои доходы. Камчадалы постоянно «бунтовали», то есть попросту разбегались, не желая платить налогов. Хметевский ловил их и запирали. И вот однажды Штеллер самовольно выпустил на свободу двенадцать арестованных камчадалов. Хметевский попытался воспрепятствовать этому, но Штеллер избил его.

Никаких подробностей этого дела мы не знаем. Неизвестно, что заставило Штеллера так поступить — чувство ли справедливости, или сострадание к несчастным камчадалам, или просто вражда к Хметевскому, с которым он давно уже, как и со многими другими, был в ссоре. У нас нет никаких данных для суждения. Но поступок этот имел для него роковые последствия.

Хметевский написал на Штеллера донос в сенат, в котором изобразил его бунтовщиком, освобождающим государственных преступников. Штеллер узнал об этом доносе и написал в сенат донос на Хметевского, избличая его во взяточничестве и казнокрадстве.

Но почта из Петропавловска в Петербург в те времена шла не менее года. И сенатского ответа можно было ждать не скоро.

К лету 1744 года у Штеллера накопилось столько коллекций и записей, что он решил везти их в Петербург и опубликовать. 3 августа он сел на корабль и поплыл в Охотск. Весной 1745 года он прибыл в Якутск, а осенью был в Иркутске.

Между тем курьеры, звеня колокольцами, переправляясь на плотах через необозримые реки, загоняя казённых лошадей, примчались в Петербург, привезя доносы — Штеллера на Хметевского и Хметевского на Штеллера. Сенаторы к доносам привыкли и не стали себя утруждать разбором. Они разослали по всем сибирским городам предписание, что куда бы ни явились Штеллер и Хметевский, их немедленно схватить и отправить в Иркутск в тамошнюю канцелярию для допроса.

Штеллер приехал в Иркутск как раз в тот день, когда там было получено это распоряжение сената. Его арестовали и отвели на допрос.

К счастью, до Иркутска дошли уже слухи, что участники Беринговой экспедиции в Петербурге были обласканы и что Чирикова милостиво приняла императрица. И Иркутская канцелярия обошлась со Штеллером мягко. Штеллер был отпущен и не спеша поехал в Петербург, а в сенат поскакал нарочный с письмом из Иркутска, в котором говорилось, что Иркутская канцелярия, допросив адъютанта Академии наук Георга Штеллера, нашла его ни в чём не виновным.

Весной 1746 года Штеллер добрался до Соликамска, маленького городка на Северном Урале. Штеллер вёз с собой семена некоторых камчатских растений — он захватил их, потому что считал полезным распространить эти растения в России. Ему казалось, что климат Северного Урала близок к камчатскому, и он задумал именно здесь осуществить свой опыт. Он решил остановиться в Соликамске на всё лето, посеять семена и проследить за их всходами.

Но в Соликамске совсем недавно было получено постановление сената, что если в городе появится Штеллер, его надо немедленно схватить и отправить под конвоем в Иркутск. Соликамская полиция не знала, что он уже был в Иркутске и оправдался. И через несколько дней после приезда Штеллер был арестован. Ему объявили, что его повезут в Иркутск.

Однако Штеллеру не хотелось девять месяцев мчаться назад по дороге, которую он только что проехал. От Соликамска до Иркутска четыре тысячи вёрст. Он поднял деревянную скамейку и ударил полицейского офицера, пришедшего его арестовать.

Штеллера избили, заковали в кандалы, бросили в телегу и повезли. Он не унимался и в дороге. После нескольких неудачных попыток избить ямщика он однажды ночью, когда конвой распряг лошадь, вскочил на неё и умчался. Но ноги его были скованы кандалами, и он не мог как следует сидеть верхом. Лошадь сбросила его и ускакала.

Конвоиры нашли Штеллера в овраге с израненной головой,

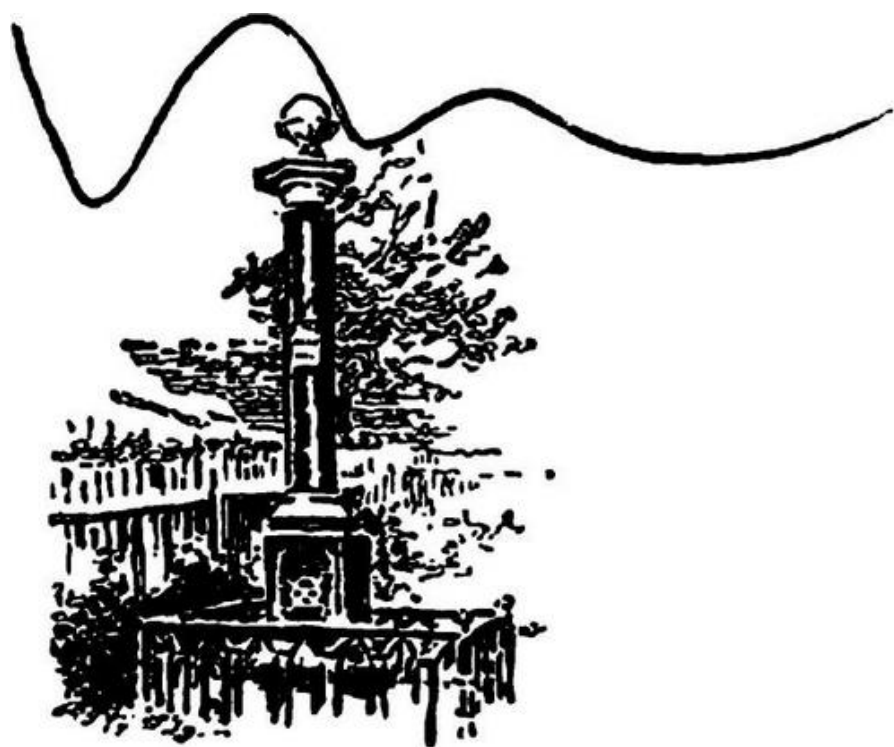
почти без чувств. Конвойный офицер рассердился. Он раздел Штеллера, привязал к телеге, достал вожжу и стал бить. Затем передал вожжу солдату. Со спины Штеллера содрали всю кожу. Солдат продолжал стегать по кровавому голому мясу, пока истязуемый не лишился сознания. Тогда офицер обернул раны адъюнкта Академии наук рогожей, бросил его в телегу и помчался дальше.

Прошло лето. А ранней осенью в Соликамск из Петербурга привезли известие, что Штеллер ещё год тому назад был оправдан Иркутской канцелярией. Соликамские власти перепугались. Они вспомнили, что, Штеллер грозил жаловаться, и почувствовали недоброе. По иркутской дороге послали верхового курьера, которому приказано было догнать и вернуть Штеллера.

Штеллера освободили на берегу Иртыша. Он нанял бричку и помчался назад. Он должен был заехать в Соликамск, потому что там остались все его записки и коллекции, относящиеся к путешествию Беринга в Америку.

Штеллер был тяжело болен. Его могучее здоровье, вынесшее и долгие скитания по бурному океану, и голод, и жажду, и девятимесячную жизнь на необитаемом острове, не выдержало побоев конвойного офицера. Раны на спине не заживали, каждый день горлом шла кровь, и, наконец, не доезжая Тюмени, Штеллер умер в своей повозке.

И Беринг и Штеллер погибли. Через два года умер в Петербурге и Чириков. Но подвиг, совершённый ими в тяжелейших условиях во имя науки, навсегда останется в памяти людей. Только после их плавания человечеству стали, наконец, ясны очертания главных земных материков и океанов. Идею Лейбница, так взволновавшую Петра, они довели до конца.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. БЕРИНГА

1681 г. — в Дании в городке Хорсенсе родился Витус Беринг.

1703 г. — Беринг совершает плавание в Индию.

1704 г. — Беринг поступает на службу в русский флот.

1711 г. — Беринг, командуя двадцатипушечным кораблём, участвует в Прутском походе Петра против турок.

1721 г. — окончание петровских войн. Беринг в чине капитана уходит в отставку.

1724 г., 10 марта — Беринг получает заграничный паспорт для возвращения на родину;

август — Беринг возвращается на службу.

1725 г., январь — Пётр пишет наказ для экспедиции.

Начальником экспедиции назначает Витуса Беринга, помощниками — Мартына Шпанберга и Алексея Чирикова;

24 января — 6 февраля — экспедиция покинула Петербург;

16 марта — экспедиция прибыла в Тобольск;

конец сентября — пройдя по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангаре, экспедиция зазимовала на Илеме.

1726 г., весна — дальнейший путь по Лене;

март — прибытие в Якутск;

август — октябрь — передовой отряд экспедиции под командованием Беринга добирается до Охотска.

1727 г., апрель — прибытие группы Шпанберга. Постройка шитика «Фортуна». Плавание «Фортуны» под командованием Шпанберга к Камчатке;

июль — прибытие отряда Чирикова;

3 сентября — прибытие всей экспедиции в Большерецк.

1728 г., март — экспедиция добралась до Тихого океана;

4 апреля — заложен корабль «Гавриил»;

8 июля — спуск корабля на воду;

28 июля — экспедиция миновала устье реки Анадырь;

16 августа — достигнув 67 градусов 8 минут северной широты, экспедиция повернула обратно;

1 сентября — экспедиция вернулась в устье реки Камчатки и зазимовала.

1729 г., 5 июня — «Гавриил» двинулся на восток;

8 июня — пройдя 200 километров, «Гавриил» пошёл на юг и 28 июня прибыл в Охотск. Беринг, не теряя ни одного дня, помчался в Петербург.

1730 г., 1 марта — Беринг прибыл в Петербург;

весна — начало снаряжения второй экспедиции.

1733, февраль — после тщательной подготовки участники второй экспедиции выехали из Петербурга.

1734–1737 гг. — Беринг в Якутске осуществляет общее руководство четырьмя группами исследователей, строительством кораблей и гаваней. Экспедиции Овцына, Прончищева, Ласиниуса, братьев Лаптевых.

1737 г., конец лета — Беринг, произведённый в капитан-командоры, переезжает в Охотск.

1738–1739 гг. — плаванья Шпанберга и Вальтона в Японию, исследование Курильских островов.

1740 г. — окончание строительства кораблей «Петра» и «Павла». Прибытие в экспедицию ботаника Георга Штеллера;

8 сентября — корабли вышли в море и 6 октября прибыли в посёлок на Камчатке, который с этого дня стал именоваться Петропавловском.

1741 г., 4 июня — «Пётр» под командованием Беринга и «Павел» под командованием Чирикова вышли в море;

12 июня — корабли достигли места, где на карте была обозначена несуществующая Земля Гамы;

20 июня — в тумане корабли потеряли друг друга из виду;

16 июля — Беринг впервые увидел американскую землю — гору, получившую название горы Ильи;

17 июля — «Пётр» пристал к американскому берегу.

Шестичасовое пребывание Штеллера на земле. Обратное плавание. Цинга;

30 августа — открытие Шумагинских островов;

сентябрь — ноябрь — бедствия, болезни;

4 ноября — «Пётр» пристал к острову, впоследствии названному островом Беринга. Смерть многих участников экспедиции;

8 декабря — Витус Беринг умер;

конец декабря — участники экспедиции убеждаются, что находятся на острове.

1742 г., весна и лето — постройка нового «Петра»;

28 августа — немногие оставшиеся в живых участники последнего плавания Витуса Беринга возвращаются в Петропавловск-на-Камчатке.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Экспедиция Беринга». Сборник документов, подготовленный к печати А.Покровским. М.,1941.

Берг Л.С., Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.-Л., 1946

Ваксель С., Вторая камчатская экспедиция Беринга. Л.-М., 1940.

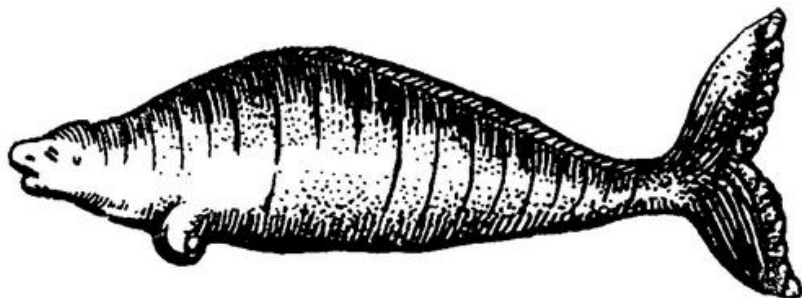
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мыс Дежнёва.

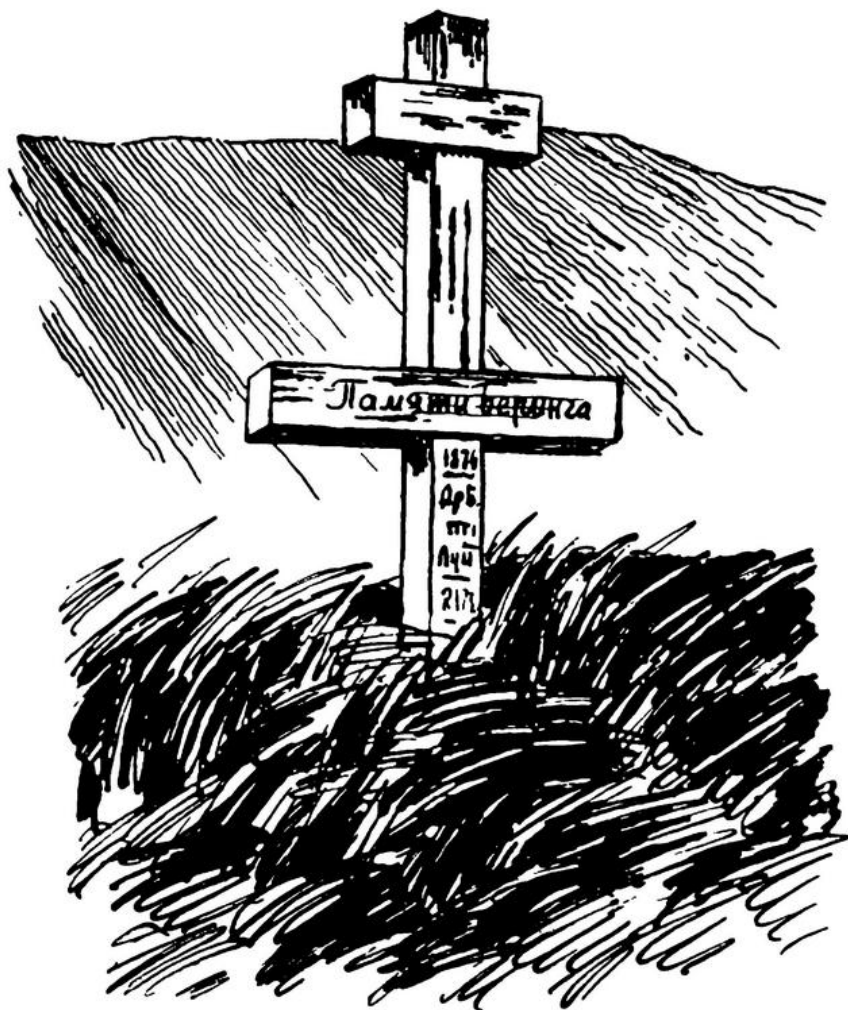
Гора Св. Ильи, открытая Берингом 16 июля 1741 года.

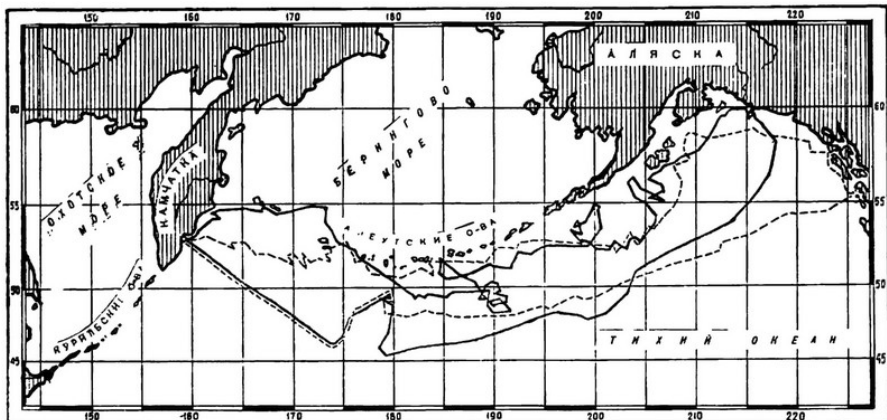
*Морская корова.
копия с рисунка Вакселя,
сделанного с натуры в 1742 году.*

Остров Беринга. Место крушения «Петра».

*Могила командора Беринга.
(С фотографии 1910 года.)*

Карта плаваний Беринга и Чирикова. (Сплошная линия — путь Беринга, пунктирная — Чирикова.)